

Андрей Тоом, Анна Тоом

Имя этой дружбы – поэтическое братство

16+

История знакомства и встреч Марины Цветаевой и Павла Антокольского, воссозданная по их воспоминаниям, дневникам и посвященным друг другу стихам.

Анна Тоом
Андрей Тоом
Имя этой дружбы –
поэтическое братство

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68282777

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга «Имя этой дружбы – поэтическое братство» посвящена двум выдающимся русским поэтам Марине Цветаевой и Павлу Антокольскому. В ней представлена история их знакомства, их встреч в Борисоглебском переулке, где жила Марина Цветаева, и в театральной студии у Е.Вахтангова, где работал актером и драматургом Павел Антокольский, их творческих отношений, на долгие годы духовно обогативших обоих поэтов, и их размолвки, произошедшей из-за отъезда Цветаевой из России в 1922 году. Это и рассказ о том, как, уже на склоне лет, став знаменитым и признанным, поэт Антокольский боролся за право опального поэта Цветаевой войти русскую литературу. Книга проиллюстрирована автографами ранних стихов П.Антокольского и фрагментами редкой книги М.Цветаевой «После России», вышедшей в Париже в 1928 году, а так же работами художников К.Кольмана и И.Е.Репина. Книга

будет полезна литературоведам, специалистам по русской поэзии и всем интересующимся историей отечественной культуры.

Содержание

Прошлое ещё предстоит... От составителей	5
Доверил я шифрованной странице...	11
Примечание	24
Схожу с ума от того, что я так мало ценил	25
Марины	
Примечание	39
Заметки на полях. О работе П.Г. Антокольского	40
над книгой М.И. Цветаевой «После России»	
Примечание	61
Так о Ком же мечтали деды? К истории	62
знакомства Марины Цветаевой и Павла	
Антокольского	
В плаще Жиронды, сквозь снега и беды...	68
Император в бронзовых ботфортах	76
Голос памятный: «Ужо тебе!»	79
Княгине Е.П.Тархановой	86
Примечание	95
О русской артистической молодежи начала XX	96
века и ошибках современных литературоведов	
Примечание	117
Павел Антокольский и Серебряный век русской	118
поэзии	
Примечание	127

Анна Тоом, Андрей Тоом

Имя этой дружбы – поэтическое братство

Прошлое ещё предстоит... От составителей

В 1928 году, приехав на гастроли¹ в Париж, Павел Антокольский разыскал жившую там в эмиграции Марину Цветаеву. Она подарила ему свою только что изданную книгу стихов «После России»² с дарственной надписью, к которой добавила цитату из Гёте, в переводе с немецкого звучащую так: «Прошлое ещё предстоит».

В этих словах угадывается предсказание встречи в будущем. И встреча состоится, но прошлое не повторится. Тому удивительному, рождённому в зареве 1917 года и вопреки ему «поэтическому братству», как охарактеризовал их отношения Павел Антокольский, не суждено будет продлиться. Во всяком случае, при жизни Марины, оборвавшейся трагически рано. И всё-таки её предсказание сбылось – как мы

---

¹ В те годы П.Г. Антокольский был актёром, режиссёром и заведующим литературой в труппе московского театра им. Е.Б. Вахтангова.

² См. подробнее в главе «Схожу с ума от того, что так мало ценил Марину».

узнаем из дальнейших событий, их прошлое им предстояло в вечности.

В 1939 году Марина Ивановна вернулась на Родину. Для партийных чиновников она – «контрреволюционерка», «белая эмигрантка», «жена и мать врагов народа». Путь в литературу для неё закрыт. Только после её гибели, с наступлением «оттепели»³ и относительной свободы слова появилась возможность, правда, понемногу и без лишней шумихи, публиковать её стихи. Добрый десяток лет отдал поэт Антокольский увековечению памяти поэта Цветаевой. Он выступает на вечерах, посвящённых жизни и творчеству Марины, пишет вступительные статьи к выходящим сборникам её произведений. Ему, очевидцу, верили как никому, и он не уставал рассказывать людям то, что приходилось скрывать в годы советского лихолетья. Когда же Павла Антокольского не стало, эстафету принял его литературный наследник.⁴

В эту книгу вошли результаты наших исследований, посвящённых знакомству и встречам Павла Антокольского с Мариной Цветаевой. Не было заранее намеченной программы действий. Исследовательские задачи возникали по мере

---

³ Идеологическая «оттепель» – период (сер. 1950-х – сер. 1960-х) во внутриполитической жизни СССР, характеризовавшийся развенчанием в общественном сознании культа личности И.В. Сталина, ослаблением тоталитаризма и цензуры, относительной либерализацией.

⁴ Андрей Леонович Тоом (1942) – внук П.Г. Антокольского, его биограф, публикатор его произведений; работает над наследием деда в соавторстве с женой, А.И. Тоом (1949).

ознакомления с архивом П.Г. Антокольского. К сегодняшнему дню подготовлено шесть статей, освещающих важные для понимания отношений этих поэтов факты и события, которые обошли своим вниманием профессиональные литературоведы, что, впрочем, объяснимо: биографические изыскания требуют большой информированности и кропотливого труда, нередко это под силу разве что родным или очень близким поэту людям.

По окончании наши исследования были представлены на международных научно-тематических конференциях в России и Литве.

В статье «Доверил я зашифрованной странице» даётся анализ стихотворения Павла Антокольского, посвящённого Марине Цветаевой, сравниваются его ранний (1918) и поздний (начало 1960-х) варианты. Написано оно Эзоповым языком, авторские метафоры и эвфемизмы скрыли то, о чём открыто говорить и писать было опасно: политическую обстановку в стране в разгар революции, а потом – в годы идеологического «похолодания», исход россиян в эмиграцию, контрреволюционность юной Марины и почти полувековое молчание о ней на Родине.

В статье «Схожу с ума от того, что я так мало ценил Марину» рассказана история знакомства и отношений двух поэтов. За долгими диалогами в Борисоглебском⁵, за пылкой дружбой наступило охлаждение, возникло недопонимание.

---

⁵ До эмиграции семья Цветаевых жила в Борисоглебском переулке.

Не сразу осознал Антокольский подлинное величие Цветаевой. И как умел, уже после её смерти, потерю возмещал. Он – из тех писателей, кто боролся за восстановление имени М.И. Цветаевой в русской литературе.

В статье «Заметки на полях» описана работа П.Г. Антокольского над подаренной ему Цветаевой книгой «После России». Изучив сделанные им в книге записи, мы пришли к выводу, что и в зрелые годы, уже будучи большим мастером, он продолжал учиться у Марины стихосложению, созданию поэтических образов, символике стиха. Антокольский был едва ли не единственным в Москве владельцем книги «После России», и он помог А.С. Эфрон, работавшей над наследием матери, в составлении тома произведений М.И. Цветаевой для Большой серии Библиотеки Поэта⁶. Долгожданный том «Избранных произведений» Марины Цветаевой вышел в 1965 году.

Антокольский – свидетель революционных событий в России 1917 года. На Февральскую революцию он откликнулся стихотворением «Так вот она, о Ком мечтали деды»⁷. Анализу этого стихотворения посвящена наша статья «Так о ком же мечтали деды?». Примечательно, что, будучи ещё совсем молодым человеком, Антокольский сумел увидеть Фев-

---

⁶ По советским понятиям издание книги в Большой серии Библиотеки Поэта служило гарантом формального признания поэта и официального вхождения в русскую (и советскую) литературу.

⁷ В некоторых изданиях упомянутое стихотворение появляется под названием «Свобода». (См. *Л.И. Левин*. «Четыре жизни». М.: Советский писатель. 1978).

ральскую революцию в ретроспективе, осмыслить её в контексте наиболее знаковых фигур и событий русской истории, провести параллель даже с Великой Французской революцией. Необычно и то, что он посвятил своё стихотворение княгине, и мы рассказываем о том, кем была княгиня Елена Павловна Тарханова и какое влияние оказала на юного поэта. Но особенно знаменательно это стихотворение тем, что оно стало поводом для знакомства автора с Мариной Цветаевой.

Эссе «О русской артистической молодежи начала XX века и ошибках современных литературоведов» опровергает бытующий с недавних пор в мировом литературоведении вымысел о гомосексуальных отношениях Павла Григорьевича Антокольского с другим видным деятелем русской культуры прошлого столетия – театральным режиссёром Юрием Александровичем Завадским. Источник ложных слухов – труды известного американского литературоведа Саймона Карлинского (1924–2009). Ошибочная трактовка им стихов Цветаевой, недопонимание русской культуры и её традиций, а также собственная нестандартная сексуальная ориентация привели самоуверенного американского профессора к абсурдным и бестактным выводам.

В работе «Павел Антокольский и Серебряный век русской поэзии» приводятся воспоминания Павла Антокольского о поэтах, которых он считал своими учителями: Александре Блоке, Марине Цветаевой и Валерии Брюсове. У них он получил бесценные уроки поэтического и педагогического ма-

стерства и благодаря им впоследствии сыграл в культурной жизни своей страны особую и значительную роль – оставил после себя несколько поколений учеников, которых сегодняшние историки литературы справедливо называют «цветом советской поэзии».

Павел Антокольский прошёл через жернова сталинской системы, где признание в дружбе с неблагонадёжными людьми могло стоить ему жизни. Конечно, это отложило определённый отпечаток и на его воспоминания о прошлом, и его осмысление пройденного пути. В нашей работе мы постарались сделать явным всё то, о чём не сумел или не успел рассказать сам поэт, о чём он умолчал, сначала сдерживаемый страхом, потом – может быть, излишней скромностью.

Книга будет интересна и полезна всем читателям, небезразличным к истории отечественной культуры.

Доверил я шифрованной странице...

В литературном архиве Павла Антокольского хранится автограф стихотворения, написанного им в 1918 году, с посвящением Марине Цветаевой. Спустя почти полвека, основательно переработанное автором, оно войдёт в цикл его стихов, датированных началом 1960-х годов, под общим названием «Марина»⁸. Ранний же вариант стихотворения никогда опубликован не был. Между тем он представляет собой несомненный интерес: может быть, не столько с литературной, сколько с исторической точки зрения – и как самостоятельное произведение, и в сравнении с поздним вариантом.

---

⁸ Антокольский П. Стихотворения и поэмы. 1915–1940 // Антокольский П. Собр.соч. в 4 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1971. С. 188.

Пусть варвары господствуют в столице,
И во дворцах разбиты зеркала, –
Доверил я шифрованной странице
Твой старый герб девический, орла.

Когда ползли из Родины на Север
И плакали ночные поезда,
Я судоржно сжал севильский веер
И в черный бунт вернуться опоздал.

Мне надо стать лжецом, как Казанова,
Перекричать в Палате Мятежей
Всех спорщиков – и обернуться снова
Мальчишкой и глотателем ножей.

И серебром колец, тобой носимых,
Украсть жизнь – чужую и мою, –
Чтобы в конце последней Пантомимы
Была игра разыграна в ничью.

И в новой жизни просвистел пергамент,
Как тонкий хлыст по лысым головам:
Она сегодня не придет в Парламент
И разойтись приказывает вам.

1918

Пускай метель безумствует в столице,
И в окнах гул раскованных стихий!
Доверил я шифрованной странице
Твое молчанье и твои стихи.

А на заре, туманный бред развеяв,
Когда уйдут на запад поезда,
Сожму я в пальцах твой севильский веер
С тобой, любовь, рассманусь .

И серебром колец, тобой носимых,
Украшу ночь – у стольких на виду,
И столько раз, и в осенях и в зимах,
Останусь жив-здоров, не пропаду.

И в новой жизни, под иною датой,
Предсказанной в таинственной судьбе,
Твой темный спутник, темный соглядатай,
Я расскажу всем людям о тебе².

1918 – начало 1960-х

Очевидно, ранний вариант стихотворения был написан под впечатлением революционных событий. Именно тогда Павлик Антокольский, актёр студии Вахтангова и начинающий поэт, познакомился с Мариной Ивановной Цветаевой и был признан ею, уже известной поэтессой, как равный. Более года длилась «пылкая дружба», «поэтическое братство» –

так охарактеризовал их отношения Антокольский. Но были между ними и разногласия: Цветаева не приняла нарождавшийся советский строй.

В своём стихотворении Антокольский много не сказал явно, но обозначил своё восприятие событий тех дней и свои размышления о них. Он каждую строфу наполнил скрытым смыслом. Что же «зашифровал» он в этом стихотворении?

Прежде всего, своё духовное братство с дворянкой, в чём признаться и тогда и позже было опасно:

Доверил я зашифрованной странице
Твой старый герб девический – орла.

Далее, понимание страшной трагедии – происходил раскол России:

Когда ползли из Родины на Север
И плакали ночные поезда...

Поезда ползли и плакали, увозя людей из России. Но почему «на Север»? – Поезда уходили на юг, где формировалась Белая армия, и на запад, куда уезжали в эмиграцию. Для Антокольского же Север – символ, не географическое понятие, а поэтическое, эмоциональное. Север – холод. Холодно без дома.

Ещё предчувствие кровавой бойни, как во Франции во

время террора, бессмысленной и пагубной для всех:

И серебром колец, тобой носимых,
Украсить казнь – чужую и мою, –
Чтобы в конце последней Пантомимы
Была игра разыграна в ничью.

Впрочем, воспитанный на идеалах Великой Французской революции, он и в русской видел торжественность момента («украсить казнь»)⁹ И по-человечески сочувствовал всем. Его товарищи уходили в Белую армию – он никому не желал поражения¹⁰. И наконец, в стихотворении скрыт ответ на упрёк Марины Ивановны ему в его политической слабости и бездеятельности:

Мне надо стать лжецом, как Казанова,
Перекричать в Палате Мятежей
Всех спорщиков – и обернуться снова
Мальчишкой и глотателем ножей.

В этих строках он словно примеряет роль активного

---

⁹ П.Г. Антокольский окончил передовую по тем временам московскую гимназию. Ей он обязан превосходным знанием мировой истории и французского языка.

¹⁰ В Белую Армию ушли Сергей Гольцев (1896–1918) и Владимир Алексеев (1892–1919). Они, как и П.Г. Антокольский, были актёрами студии Е.Б. Вахтангова.

участника событий. Цветаева считала, что мужчины в критической для России ситуации просто обязаны занять ответственную позицию.¹¹ Но Антокольский человеком политики не был. «Мальчишка и глотатель ножей», «бродяга и актёр», «балаганный зазывала» – вот каким он себя видел, таким он, в сущности, и был¹². Участие в политических баталиях не для него. Он их и потом, всю жизнь, сторонился. Но Марина Цветаева такую позицию понять и принять не захотела. Они стали отдаляться друг от друга, не упуская, впрочем, друг друга из виду.¹³

---

¹¹ В воспоминаниях М.И.Цветаевой находим: «В Москве 1918–1919 года мне – мужественным в себе, прямым и стальным в себе, делиться было не с кем. В Москве 1918–1919 года из мужской молодежи моего круга – скажем правду – осталась одна дрянь. Сплошные «студийцы», от войны укрывающиеся в новооткрытых студиях ... и дарованиях. Или красная молодежь, между двумя боями, побывочная, наверное прекрасная, но с которой я дружить не могла, ибо нет дружбы у побежденного с победителем». *Цветаева М.И.* «Повесть о Сонечке». Собр. соч. в 7 т. / Составление, подготовка текста и комментарии. А.А.Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994-1995. Т.4. С.344. Следует заметить, что, несмотря на резкие суждения о молодежи тех лет, Марина Ивановна была дружна с некоторыми студийцами-вахтанговцами, принимала их у себя, посещала их спектакли, и именно для студии Е.Б.Вахтангова она написала цикл романтических пьес: «Фортуна», «Приключение», «Феникс» и др., – вошедший впоследствии в золотой фонд её литературного наследия. *Марина Цветаева.* Театр. М.: «Искусство», 1988.

¹² См. стихотворение «Балаганный зазывала». *Антокольский П.* Собр. соч. в 4 т. Т. 2. С. 511.

¹³ «Наша дружба продолжалась. Она перестала быть пылкой, встречались мы реже, но она всегда следила за мною так же, как я следил за ней». *Антокольский П.* Мои записки / Неопубликованные материалы из архива П.Г. Антокольского.

Сегодня, осмысливая события тех дней в исторической ретроспективе, понимаешь неизбежность разлада двух поэтов. Их роднили любовь к поэзии и искусству, одухотворённость и талант. В остальном они были людьми разными.

Антокольский вышел из либеральной еврейской интеллигенции, Цветаева – из дворянской интеллигенции. Это не мешало их личной дружбе: сословные различия среди достойных и образованных людей дореволюционной России постепенно утрачивали свое значение. Однако революция всколыхнула «классовую ненависть», разрушила происходившую интеграцию общества и резко поляризовала его. В еврейскую атеистическую среду, к которой принадлежал Антокольский, революция принесла надежду на равноправие, единство с народом и, как результат этого, успех. В среду Цветаевой она принесла гибель. Россия Антокольского только начиналась. Россия Цветаевой окончилась навсегда.

Пойди Антокольский в действующую армию, они стали бы врагами. Этого не случилось. Он смолоду относился к политическим событиям как беспристрастный историк. Сказалось влияние Марка Матвеевича Антокольского, знаменитого скульптора. Летописец русской истории, увековечивший ее в бронзе, был образцом для своего внучатого племянника. Павел Антокольский избрал тот же путь, но в литературе.

Вот чего не сумела понять Марина Ивановна Цветаева. А ведь именно взгляд на события со стороны помог Павлу Антокольскому сохранить себя, не опуститься морально в том

страшном развале общества, в большом людском несчастье.

*¹ Мадрид (Испания).
Пуще варвары гонимыя в столицах,
И в оборотах разбиты зеркала —
Добрал я марфологий страниц
Моей старин крестовническ-орна.
Когда полжен из Роданы на Сввер
И никаким путем небыда,
Я судоуочно окам севильский втер
И в земнй буди вернутил отидал.
Мат надо сражи иречны, как Казаново,
Перекрытал с Паласт Мадридскй
Ветх сиротников — и обернутил сива
Маминской и мафределн похей —
И серебрян колес, тобой носилеж,
Украшил камне цурды и мого, —

Тобой в конит поистиней Пантиномис
Тыма: игра разноразн в павис.
И в новей жизньи просветил перламут,
Как яоний халест, на лисим шловам:
Она сегодня не придет в Парламент
И разноразн прикажет вам.
²
Дмитрий Варшав.
Танка Марина, как мати быти в Тобой?
Сегодня самий втер не свободен
И лжеет колдуя пайни знаменитой.
Что отлага мат с мафринской восторжбой,
Каждо восторж — двидекут риса родой,
И каиндигат миско жузудит?
Ты... в... миско Кремни

Автограф П.Г. Антокольского из его рукописной поэтической тетради, 1918. Архив литературного музея А.С. Пушкина, Вильнюс

Теперь яснее становится смысл таких строк:

Я судорожно ждал севильский веер

И в чёрный бунт вернуться опоздал.

Севильский веер – атрибут быта Марины, знак знатного происхождения. Он сжал его – значит, не оттолкнул. Именно сострадание помешало ему уйти «в чёрный бунт». В словах «вернуться опоздал» можно услышать сожаление: опоздал, оплошал... Но как бы там ни было, своей позиции в те годы Антокольский не изменил. А винить себя в чём-нибудь любил и винил то и дело.

В завершающей строфе стихотворения автор поднимает свою героиню над всеми обстоятельствами жизни: и над «чёрным бунтом», и над распрями в Парламенте:

И в новой жизни просвистел пергамент,
Как тонкий хлыст, по лысым головам:
Она сегодня не придет в Парламент
И разойтись приказывает вам.

Здесь Марина Цветаева, бедствовавшая, неприкаянная, предстаёт перед читателем всемогущей королевой. Такой она была в своих мечтах, такой и описал её Антокольский.

Однако стихотворение производит впечатление незаконченного: у него нет ни формальной, ни эмоциональной завершенности. Неудивительно, что поэт впоследствии вернулся к нему. Интересно, что после переделки изменилось и его скрытое содержание.

Ранний вариант – о революции: «Пусть варвары господствуют в столице, / И во дворцах разбиты зеркала...» Поздний вариант написан в начале шестидесятых и отражает «идеологическое похолодание» в стране: «Пускай метель безумствует в столице...»

У каждого исторического времени свои запреты. В раннем варианте, появившемся в революционные годы, Антокольский «зашифровывает» дружбу с дворянкой. В позднем варианте он пишет: «Доверил я зашифрованной странице / Твое молчанье и твои стихи». Это уже о трагической смерти Марины («молчанье») и её поэтическом бессмертии («стихи»). Тема запрещённая именно в начале шестидесятых, но он решился об этом писать.

Однако неожиданными кажутся строки:

Сожму я в пальцах твой севильский веер,
С тобой, любовь, расстанусь навсегда.
И серебром колец, тобой носимых,
Украшу ночь – у стольких на виду,
И столько раз, и в осенях и в зимах,
Останусь жив-здоров, не пропаду.

Обращённые к Марине «с тобой, любовь» и «украшу ночь» могут вызвать ассоциацию с романтическими отношениями. Но это впечатление ложно. В своей автобиографической повести Антокольский определённо сказал: «Очень

пылкая дружба соединила нас. Имя этой дружбы – поэтическое братство. Любви между нами не было».¹⁴ Значит, здесь «любовь» и «ночь» – метафоры, нечто важное для автора скрывающие.

«Любовь», несомненно, символизирует духовные отношения. А «ночью» он называет политически тёмное, непроглядное время, что естественно предположить, зная о его неладах с политикой. И тогда «ночь у стольких на виду» – это его, Антокольского, в неприглядной советской общественной жизни публичность. Её он в поздние годы, бывало, стыдился и избегал.¹⁵

В переработанном варианте стихотворения, как и в раннем, что ни строка, то символ. Пожалуй, только об эмиграции сказано без намёков («А на заре, туманный бред развеяв,/ Когда уйдут на запад поезда...»). Но «осени и зимы» – не просто времена года, это и тяжкие для страны времена. До-

---

¹⁴ *Антокольский П.* Мои записки / Неопубликованные материалы из архива П.Г. Антокольского.

¹⁵ «Вчера после моего двухлетнего пребывания на съезде мы вернулись сюда с твёрдым намерением больше туда не являться. Заранее можно было представить ничтожный характер этого съезда. <...> Мне надо было выступать. Это – нагрузка от переводчиков. Выступление готово, написано. Я всегда мог бы пробарабанивать его с трибуны без волнения, без удовольствия, без успеха у аудитории. Но «ждать вызова» и, главное, раза четыре в день подниматься и спускаться по этой чёртовой золотой лестнице – тьфу, пропасть! На черта мне это нужно? Вот я и уехал! В течение всего дня я всё-таки побаивался – а вдруг за мной пришлют машину и повезут выступать на съезд?.. Ура! Этого не случилось». *Антокольский П.* Дневник. 1964–1968. СПб.: Изд-во Пушкинского фонда, 2002. С.74.

гадаться несложно: они в одном ряду с такими известными политическими метафорами, как «оттепель» и «заморозки». Это и трудные для Антокольского периоды профессиональной деятельности, в которых всё же удалось уцелеть – взять хотя бы кампанию 1949 года против космополитов.¹⁶ Антокольский не стал жертвой. «Останусь жив-здоров, не пропаду», – пишет он.

«Серебро колец» – не серебро как таковое, хотя Марина носила серебряные кольца. Это духовное богатство, которым она щедро делилась с другом. Может быть, «серебро колец» – это и поэтическое наследие, ею оставленное. И уж несомненно – напоминание о кольце, ею Антокольскому подаренном, и о её стихотворении-напутствии «Дарю тебе железное кольцо», ему написанном.¹⁷ Серебром колец, украсивших ночь и не давших ему пропасть, называет он своё поэтическое братство с Мариной, сокровище общения с ней.

---

¹⁶ В годы борьбы с космополитизмом П.Г. Антокольскому были предъявлены обвинения в формализме и буржуазном эстетизме. Вот как описывает то время один из его учеников: «Многие ученики и бывшие друзья примкнули к гонителям. На ученом совете Литинститута, а потом, дня через два, на большом позорнице в Дубовом зале клуба писателей на костях поэта буквально плясали. <...> Когда я через несколько дней вошёл в «мастерскую» учителя, он сидел в своём глубоком кресле и ёжился, кутаясь в толстый клетчатый плед, хотя в комнате было жарко. Он походил на подбитую птицу. <...> Какая горечь! Его обвиняли в пристрастии к Западу, а он был настоящим сыном России, российской культуры, «гражданином Москвы», как он сам писал о себе в своих стихах». А. Ревич. Записки поэта // Дружба народов. 2006. №6. С. 190–191.

¹⁷ Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 т. / Составление, подготовка текста и комментарии А.А. Саакянц и Л.А. Мнухина. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т.4. С. 353–354.

Почти полвека разделяют два эти стихотворения. Павлик стал Павлом Григорьевичем. Но основная тема в обоих стихотворениях всё та же: *поэт – не политик, поэт – летописец*. В окончательном варианте строфа, в которой первая половина приведённой формулы была наиболее ясно воплощена, опущена, и взамен в последней строфе появляется новая тема: *поэт – подвижник*. Помогать собратям по перу и особенно тем, кому, как он считал, не повезло в бессмертии, стало насущной потребностью Антокольского в зрелые годы.

Твой темный спутник, темный соглядатай,
Я расскажу всем людям о тебе.

Он начал писать о Марине всё, что знал и о чём много лет молчал. А «тёмным спутником, тёмным соглядатаем» корит он себя за легкомыслие и непрозорливость. Спихватился, да поздно. Прибежал к ней в день её отъезда из России: «Но я вам всё-таки скажу, я должен вам сказать (глубокий глоток) – Марина, я бесконечно жалею о каждой минуте этих лет, проведённой не с вами...».¹⁸

Ранний и поздний варианты стихотворения хорошо дополняют друг друга. Их надо бы публиковать вместе: яснее становится подлинное содержание каждого. Только положенные рядом, они позволяют увидеть, что в них – случайно ли, нет ли – зашифрована вся поэтическая программа

---

¹⁸ Там же, С. 410.

Павла Антокольского.

Она слагалась в юности, дополнялась в зрелые годы, и постоянно – в диалогах с Мариной Цветаевой: сначала реальных, потом мысленных. Так встреча в юности и дружба, пусть и кратковременная, с уникальной личностью навсегда расширила горизонты его видения и направила его творческий путь.

Марина Цветаева сделала для юного Павла Антокольского то, чего не сделал ни один другой поэт. Она открыла ему дверь в свою мастерскую, показала рукописи. Он увидел, как она работает, как рождаются её стихи. Такой поступок – редкость. И Антокольский через всю свою долгую жизнь пронесёт чувство благодарности Марине Ивановне и тоже протянет ей руку помощи.

Но это уже другая история. Ей – свое время.

Примечание

Работа впервые была представлена на XV Международной научно-тематической конференции в Доме-музее Марины Цветаевой в 2007 году; впоследствии опубликована в сборнике докладов этой конференции.

Цитировать: Тоом А.И., Тоом А.Л. «Доверил я шифрованной странице...» // Семья Цветаевых в истории и культуре России. XV Международная научно-тематическая конференция, 8-11 октября 2007. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2008. С. 380-389.

Схожу с ума от того, что я так мало ценил Марину

Первые воспоминания Павла Антокольского о Марине Цветаевой были написаны им в 1953 году. В то время в советской России она была фигурой одиозной: не печатали её книг и даже имя упоминать боялись. Опубликовать свои воспоминания Антокольский не решился¹⁹. Впоследствии он частично использует эту рукопись при подготовке очерка о жизни и творчестве Цветаевой²⁰, но это произойдёт позже, в середине шестидесятых. И это будет уже совсем другой по духу и по тону рассказ – сдержанный, отстранённый, с литературной точки зрения более совершенный, но и более формальный.

Однако наше внимание привлекли именно те, ранние его воспоминания. Надо признать, что их вклад в науку цветаведения невелик. Они вообще не столько о Цветаевой, хотя и содержат яркие описания её быта и характера, сколько о самом Антокольском. Его рассказ ценен не исторической достоверностью, а субъективностью. В нём есть и ошибки, и

---

¹⁹ Антокольский П. Мои записки // «Времени голоса». Нью-Йорк. 2008. Вып.2. С.с.148-154. Эти воспоминания впервые были опубликованы через 55 лет после их написания и через 30 лет после смерти автора.

²⁰ Антокольский П. Марина Цветаева // Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4. С.с. 39-76.

неточности, и умолчания, но они, пожалуй, интереснее всего. Сквозь них проступает – невольно и не всегда даже осознаваемое автором – чувство его вины перед Мариной Цветаевой.

Заметим сразу, что ничего дурного по отношению к Марине Цветаевой Антокольский не совершил: не было ни подлостей, ни доносов, – хотя эпоха этому весьма способствовала. Сегодня, когда архивы обоих поэтов в большой мере прочтены и опубликованы, можно сказать с уверенностью: Павел Антокольский был достойным человеком. И то, что его, невинного в трагедии и гибели Цветаевой, многие годы мучила совесть – ещё одно проявление этого.

Обратимся к истории их отношений.

«Поздняя осень 1918 года, не то октябрь, не то ноябрь»²¹, – пишет Антокольский о дне знакомства с Мариной Цветаевой. А по её воспоминаниям это произошло в конце 1917 года. В ноябре она провожала мужа Сергея Яковлевича Эфрона в Крым, в добровольческую армию, и в вагоне поезда юнкер Сергей Гольцев, друг и однополчанин мужа, бывший студиец-вахтанговец читал стихи своего друга, тоже студийца Павлика Антокольского. Стихи молодого поэта и актёра поразили её настолько, что, едва вернувшись в Москву, она пошла к нему знакомиться²². Подтверждение цвета-

---

²¹ Антокольский П. Мои записки. с.148.

²² Цветаева М. Повесть о Сонечке // Собрание сочинений в четырёх томах. Т. IV. с. 294.

евской версии событий находим в письме её мужа к М. Волошину. 12 мая 1918 Сергей Эфрон сообщает: «... от ядра Корниловской армии почти ничего не осталось. <...> Для меня особенно тягостна потеря С. Гольцева»²³.

Данные о гибели Гольцева – убедительное доказательство того, что Марина Цветаева не могла слышать от него стихи Антокольского осенью 1918 года, потому что к середине мая Гольцева уже не было в живых. Значит, Антокольский ошибся на год. Они познакомились с Мариной Цветаевой поздней осенью 1917 года. Это же в разгар революции!.. Весь город в баррикадах, на улицах бои... А он забыл.

Дело в том, что Антокольского, относившегося к идее революции либерально, тем не менее неприятно поразили революционные события, свидетелем которых он стал. Об этом свидетельствуют и некоторые ранние его стихи, например, «Пусть варвары господствуют в столице...», посвящённое Марине Цветаевой. Судя по всему, впоследствии, стараясь избавиться от травмирующих воспоминаний, он невольно вытеснил из памяти и многие связанные с ними обстоятельства. Этот феномен, широко известный в психоаналитической науке, открыт и описан австрийским психиатром Зигмундом Фрейдом.²⁴

---

²³ Дядичев В., Лобыцын В. Доброволец двух русских армий. Военная судьба Сергея Эфрона. Москва. Дом-музей Марины Цветаевой. 2005. С. 50.

²⁴ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни // Психология бессознательного. Москва. «Просвещение». 1989. С. 202-309.

Марина Ивановна так и называла его – «забывчивый Павлик». Несмотря на возникшее между ними мгновенное притяжение и добрых два года «пылкой дружбы» (так Антокольский охарактеризовал отношения с М. Цветаевой: «Очень пылкая дружба соединила нас. Имя этой дружбы: поэтическое братство»²⁵), случалось и непонимание. Она с сожалением и даже некоторой иронией сказала о нём в стихах: «...запомнивший лишь то, что – панны польской/ Я именем зовусь»²⁶. И укоряла, что не сберёт «железного кольца», в знак дружбы ею подаренного²⁷. Павел Антокольский носил Марино «железное кольцо» до середины 1920 года. Сохранился его портрет, написанный Ю. Завадским, с этим кольцом на правом безымянном пальце. Когда Антокольский женился, кольцо распилили на два обручальных. Вскоре половинки сломались и обломки затерялись. В семидесятые годы П. Антокольский показывал друзьям хранившееся у него кольцо, якобы Мариной Ивановной подаренное, но это была выдумка. Подаренное М. Цветаевой – старинное немецкое, чугунное с золотом – он, судя по её воспоминаниям, не сберёт, только признаться – уже в старости – ему в этом было неловко.

Вот как вспоминает те годы сам Антокольский: «Дружа с нею, я понял, что воистину не боги горшки обжигают, что ис-

---

²⁵ Антокольский П.. Мои записки. С. 149.

²⁶ Там же. С.355.

²⁷ Цветаева М. Повесть о Сонечке. С.354.

кусство можно делать голыми руками. Я увидел кухню очень одарённого и оригинального поэта и понял, что эта кухня, пожалуй, не лучше моей»²⁸. Лишь спустя годы осознает Павел Григорьевич подлинное величие Марины Цветаевой – и личности, и поэта – и уж тогда казнит себя за легкомыслие, непрозорливость, нелепое мальчишество.

Павлик Антокольский, в те годы актёр и драматург студии Е.Б. Вахтангова, ввёл в студию и Марину Ивановну, познакомил с режиссёром, с друзьями. Несколько студийцев, как и он, стали завсегдатаями её дома. Вместе проводили время, строили творческие планы. Для студии Вахтангова Цветаева написала несколько пьес, ни одна из которых, однако, не была поставлена. К концу двадцатого года её отношения со студийцами практически прервались.

«Внезапно Марина исчезла с московского горизонта, – продолжает Антокольский. – В скором времени мы узнали, что она за рубежом»²⁹. Звучит как-то отстранённо и обезличенно (*мы* вместо *я*), словно и не было двухлетней «пылкой дружбы». А Цветаева в своей знаменитой «Повести о Сонечке» подробно описала их прощание. И её рассказу веришь больше, потому что она приводит характерные и реалистичные детали. Он прибежал к ней в день отъезда – 29 апреля 1922 года. «Но я вам всё-таки скажу, я должен сказать (глубокий глоток) – Марина, я бесконечно жалею о каждой ми-

---

²⁸ Антокольский П. Мои записки. С.150.

²⁹ Там же, с.151.

нута этих лет, проведённой не с вами»³⁰. И так и остался на пороге со своим поздним признанием. В дом Марина его не пригласила.

Эту обидную сцену он едва ли забыл – просто о ней писать было неловко. И конечно, не забыл их диалога (тоже приведённого в повести):

– Павлик, времени уже нет, только одно: если вы меня когда-нибудь хоть чу-точку! – любили, разыщите мне мою Сонечку Голлидэй.

Он сдавленным оскорблением голосом:

– Обещаю.

Вот это «Обещаю» и угрызения совести, что тогда, в двадцатом, увлекшись своими новыми театральными планами и постановками, студийцы-вахтанговцы (и он в их числе!) оставили её, и привело Антокольского к Марине снова через шесть лет.³¹

Злого умысла в поступке студийцев, скорее всего, не было. Просто время наступило крайне тяжёлое: шла Гражданская война. В стране разруха. Надо было выживать. На встречи с друзьями не хватало сил. Вот как описывает те годы Антокольский: «...я беден, почти нищ, голоден. У меня молодая жена. Она даёт уроки пластики. Ей не во что обуться. Скоро выясняется, что она ждёт ребёнка. Родится дочка,

---

³⁰ Цветаева М. Повесть о Сонечке. С. 410.

³¹ Антокольский сдержал слово и привёз М.Цветаевой в Медон вести о Сонечке Голлидей. См. М.Цветаева. Повесть о Сонечке. С. 410.

крохотный заморыш. <...> Нужны пайки, пайки! Я одновременно преподаю в Военской части на Разгуляе и в Детдоме на Пречистенке сценическое искусство, в каком-то госпитале – рисую плакаты, ещё где-то учу ребят писать стихи, репетирую во II Студии МХТ, а по вечерам шляюсь в Кафе Поэтов. Это начало зимы и весна 1921 года. Бедная дочка наша плачет день и ночь...»³²

Они увиделись с Мариной снова в 1928 году. Он приехал в Париж на гастроли с театром Вахтангова. «Мне была суждена ещё одна встреча с нею – на чужбине, на жизненном перепутье, встреча случайная и короткая»³³. Он пишет «случайная», но это неверно. Гастроли шли в знаменитом театре Одеон в центре Парижа, а Цветаева с семьёй жила в Медоне, пригороде, расположенном в девяти километрах. Оказаться там «случайно» невозможно: нужно знать, куда и зачем едешь. Даже в рукописи, хранившейся дома в единственном экземпляре и не предназначавшейся для печати, Антокольский утаил, что сам разыскал Марину, узнав её адрес, скорее всего, от Анастасии Цветаевой, за год до этого навещавшей сестру, – боялся, как бы не припомнили ему власти дружбу с «контрреволюционеркой», встречи с «белой эмигранткой». И не за то сажали в стране процветавшего социализма.

Им было что сказать друг другу. Они провели вместе день.

---

³² *Автобиографическая повесть*. Неопубликованный архив П.Антокольского.

³³ *Антокольский П. Мои записки*. С. 151.

Марина подарила ему свою недавно вышедшую книгу стихов «После России». В дарственной надписи есть строка на немецком языке, перевод которой выглядит так: «Прошлое ещё предстоит». Значит, по-доброму вспоминала их дружбу, их диалоги в Борисоглебском, в самом центре «советской – яacobинской – Маратовой Москвы»³⁴, – диалоги, в которых ОНИ «правили миром»³⁵. То, что немецкий был её вторым родным языком, усиливало смысл слов: Марина предсказывала встречу в будущем.

Но прошлое не повторилось. В 1939 она вернулась в Россию – в катастрофу, где будущего у неё не было.

Выжившие в катастрофе неизбежно чувствуют вину перед погибшими, это хорошо известный научный факт. Более тысячи ссылок по теме «вина выжившего» можно найти только в русском интернете. Но у Антокольского была ещё одна причина. Судьба подарила ему «поэтическое братство» – совсем как Пушкину, чьей поэзией и великими друзьями он восхищался. Вот и ему в юности такая дружба досталась, а он её не сберёг. И потом многие годы – уже после смерти Марины – как умел потерю возмещал.

Павел Григорьевич Антокольский – один из тех, кто участвовал в восстановлении имени Цветаевой в русской ли-

---

³⁴ Строка из стихотворения, написанного к Новому 1919 году и посвящённого М. Цветаевой друзьям студийцам-вахтанговцам П. Антокольскому, Ю. Завадскому и В. Алексееву. См. *Цветаева М.* Повесть о Сонечке. С. 355.

³⁵ *Цветаева М.* Дневниковая проза. О любви // Собрание сочинений в четырёх томах. Т. IV. С.483.

тературе³⁶. На любую просьбу Ариадны Сергеевны, даже не просьбу, а лишь осторожный вопрос «Не хотели бы Вы выступить на вечере памяти мамы?..», он откликнулся молниеносно. Выступил на вечере, помог при составлении комментариев к книге Марины Цветаевой в большой серии Библиотеки Поэта, написал вступительные статьи и рецензии к другим сборникам её произведений³⁷.

У Анастасии Ивановны, которая в те годы готовила свои «Воспоминания», посвящённые сестре, – не было средств платить за машинопись. По первому же зову, а часто опережая его, он мчался на помощь. И деньгами поддержал, и добрым словом, и своими связями в редакциях и издательстве. «Я очень счастлив, что могу хоть малым, хоть чем-то служить Вам», – находим в одном из его писем к Анастасии Ивановне³⁸. И ещё: «...мы все многим Вам обязаны, а в чём-то и провинились перед Вами – провинились равнодушием, ленью, может быть и трусостью...»³⁹. Он писал это Асе, а думал о Марине.

---

³⁶ *Эфрон Ариадна*. История жизни, история души. Письма 1955-1975. Москва. «Возвращение», 2008.

³⁷ См. *Цветаева М.* «Два “Лесных царя”» // В ежегоднике «Мастерство перевода. 1963». М. С послесловием П. Антокольского; *П. Антокольский* «Пушкин по-французски» // «Путевой журнал писателя». Москва. «Советский писатель», 1976. С.с. 122-138; *П. Антокольский*. Театр Марины Цветаевой (предисловие) // «Марина Цветаева. “Театр”». М. Искусство, 1988.

³⁸ *Гений памяти. Переписка А.И.Цветаевой и П.Г.Антокольского*. Дом-музей Марины Цветаевой. Москва. 2000. С.63

³⁹ Там же, с. 47.

В конце 1964 года Антокольский приступил к работе над собственным очерком о Марине Цветаевой. И хотя он прекрасно владел всеми литературными жанрами и всегда легко работал, писать о Марине ему было мучительно. Недовольный собой, он отвергал вариант за вариантом. Проходит месяц, два, три... «Нет! – читаем мы в его дневнике. – Статья о Марине не готова. Как трудно она даётся мне. Это недаром»⁴⁰.

В те несколько месяцев, готовя публикацию, он снова пережил и свою юность, и те события, что, казалось, «ушли» из памяти. Он весь свой творческий путь пересмотрел, как свидетельствует запись от 24 декабря 1964 года: «Мои стихи конца двадцатых годов, которые я сейчас понемногу восстанавливаю, сильные и сплошь нецензурные – как тогда, так и теперь. Это значит, что я начинал дорогу, которую вынужден был не продолжать»⁴¹. Напряжение и горечь были столь велики, что сердце не выдержало – он попал в больницу с инфарктом.

Чем дальше, тем яснее ему становилось, что Цветаева – великий поэт. И 27 марта 1965 года в том же дневнике Антокольский записал: «Когда я вспоминаю об этом – таком давнем и безвозвратно ушедшем прошлом, самой ранней моей поре, – то схожу с ума от того, что так мало ценил Марину и, в сущности, так и не заметил, упустил из виду, что ведь она-

---

⁴⁰ Антокольский П. Дневник. 1964-1968. С.54.

⁴¹ Там же, с. 27.

то и есть воплощение жизни для меня, гений, сама поэзия, само искусство – и всё это с таких заглавных букв, что дай Боже!»⁴²

Последняя их встреча состоялась уже в России. Она пришла к нему «немногословная, настороженная, может быть, чуть-чуть враждебная»⁴³. Был насторожен и он. В стране один за другим шли политические процессы – образцово неудачное время для содружеств и доверительных отношений. К тому же вся семья Марины была «под колпаком» у НКВД. «Разговор был деловой, профессиональный, скучный, – вспоминает Антокольский. – Марина не хотела даже остаться, чтобы выпить чаю».⁴⁴ Спустя годы Ариадна Сергеевна объяснит ему: «Вы показались ей далёким и благополучным в трагическом неустройстве её жизни по приезде»⁴⁵.

О чём был их последний разговор, неизвестно. Мы можем только догадываться: Цветаева пришла с просьбой, которую он не выполнил. Вот и всё. Потом они только мельком виделись. «А через год, – рассказывает Антокольский, – узнал о страшной её гибели в глухой деревушке на Каме. Шла война. Многие известия о гибели друзей и близких скрещивались друг с другом, как прожекторá в ночном небе. Они безжалостно вытягивали свои длинные ручищи, а небо было чёр-

---

⁴² Там же, с. 37.

⁴³ Антокольский П. Мои записки. С. 151.

⁴⁴ Там же, с. 151

⁴⁵ Эфрон А. История жизни, история души. С.246.

ное, беззвёздное, полное новых угроз. И гибель Марины затерялась в этом грозовом мраке так же, как года через два затерялась в нём гибель на фронте её любимого, единственного, никем не оплаканного сына»⁴⁶.

Сегодня мы спрашиваем себя: «А мог ли Павел Григорьевич помочь Марине Цветаевой в той круговерти конца тридцатых – начала сороковых – в самых, пожалуй, страшных обстоятельствах её жизни?» – Едва ли. Помочь ей в тот момент могла только административная власть, к которой он не принадлежал. Но совесть его мучила...

И, конечно, только этим можно объяснить тот неожиданный для всех поступок, который совершит Антокольский в своём преклонном возрасте, когда привычки уже не меняются. Его знали человеком аполитичным. Он интересовался историей, но политики избегал. И вдруг выступил в защиту писателей А.Синявского и Ю.Даниэля. В сущности, это – то, что он, в его понимании, должен был бы сделать когда-то для Марины Цветаевой и не сделал.

То, что Антокольский поставил свою подпись под коллективным письмом в защиту репрессированных писателей, повергло партийных руководителей Союза Писателей СССР в шок. «До каких лет дожил, – возмущались они, – а ума не нашёл». Но «одуматься» Антокольский не пожелал и снять свою подпись под письмом отказался.⁴⁷

---

⁴⁶ Антокольский П. Мои записки. С.151.

⁴⁷ Антокольский П. Дневник. 1964-1968. С.54.

На всём своём творческом пути Павел Антокольский вёл диалог с Мариной Цветаевой: сначала реальный, потом мысленный, никогда не прекращавшийся⁴⁸. И за год-полтора до смерти – уже силы на исходе, – подытоживая пройденное, он снова обращается к ней. Он пишет стихотворение – ответ на посвящённое ему, ещё юному, стихотворение Цветаевой «Дарю тебе железное кольцо:// Бессонницу – восторг – и безнадежность»⁴⁹:

Где ж оно, железное кольцо?
Там, где смерть Кощея в океане.
Я глядел всем девушкам в лицо, –
Чем старше был, тем окаянной.

Где ж они – «бессонница, восторг,
Безнадежность», данные Мариной?
Угодил я в старость, как в острог,
Иль сгорел в горячке малярийной.

В лотерее вытянул билет
Выигрышный – да делиться не с кем.
Миновало пять десятков лет

---

⁴⁸ Тоом А.Л., Тоом А.И. «Доверил я зашифрованной странице...» // Семья Цветаевых в истории и культуре России. XV Международная научно-тематическая конференция. 8-11 октября 2007. Дом-музей Марины Цветаевой, М. 2008. С.с. 380-389.

⁴⁹ Цветаева М. Повесть о Сонечке. С.с. 353-354.

Ветром резким над проспектом Невским.

День мой беден, вечер мой убог,
Ночи непролазны, как болота.
Не художник, не силён, не бог
И не дуб – а только пень-колода.⁵⁰

Странно услышать такое признание от знаменитого поэта, прожившего, казалось бы, успешную жизнь. Но оно становится понятным, если взглянуть на эти строки через призму не оставявшего Антокольского чувства вины.

Марина Цветаева прожила недолгую, тяжёлую жизнь, и конец её был трагичен. Павел Антокольский хотя и дожил благополучно до глубокой старости, ощущал себя в ней глубоко несчастным. Пути поэтов – разные, но путей со счастливым концом среди них нет.

---

⁵⁰ Антокольский П. Стихотворения и поэмы. ББП. Ленинградское отделение. 1982. С. 404.

Примечание

Работа впервые была представлена на XVI Международной научно-тематической конференции в Доме-музее Марины Цветаевой в 2010 году; опубликована в сборнике докладов конференции.

Цитировать: *Тоом А.И., Тоом А.Л.* «Схожу с ума от того, что я так мало ценил Марину». // 1910 – год вступления Марины Цветаевой в литературу. XVI Международная научно-тематическая конференция. 8-10 октября 2010. Дом-музей Марины Цветаевой, М. 2012. С.с. 148-156.

Заметки на полях. О работе П.Г. Антокольского над книгой М.И. Цветаевой «После России»

В 1928 году в составе труппы театра им. Евг. Вахтангова поэт Павел Григорьевич Антокольский, в те годы ещё и актёр и режиссёр, приезжает на гастроли в Париж. А в пригороде Парижа, в местечке Медон, уже несколько лет живёт в эмиграции Марина Ивановна Цветаева. Он разыскал её. Они провели вместе целый день. Она подарила ему свою только что вышедшую книгу «После России». Эта небольшого формата тоненькая книжечка, включающая в себя 128 новых неизвестных Антокольскому стихотворений, на добрых полвека стала для него источником и размышлений, и самых разных чувств – от радостных до горьких, – и вдохновения. Кольцо, подаренное ему Цветаевой еще в 19-м году, сломалось и затерялось, так что стихи, посвящённые ему Мариной Ивановной⁵¹, и эта её книга – вот всё, что осталось одному поэту в память о другом, об их удивительном, как охарактеризовал их отношения сам Павел Григорьевич, «поэтическом братстве», их московской дружбе революционных лет.

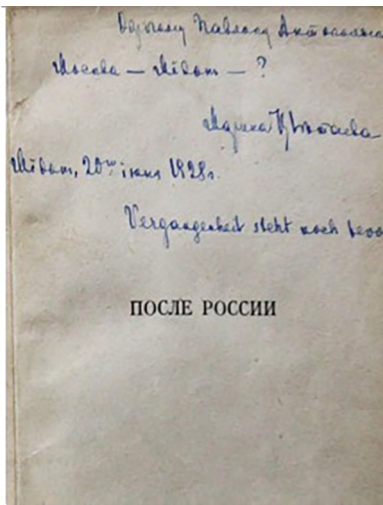
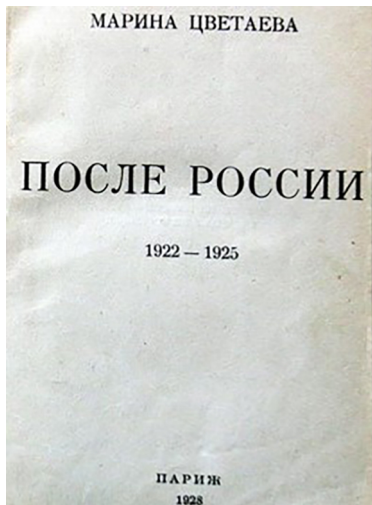
⁵¹ «Дарю тебе железное кольцо/Бессонницу, восторг и безнадежность...». *Цветаева М.. Повесть о Сонечке//Собрание сочинений в четырёх томах. Т. IV. С. 353.*

Вошедшие в книгу стихи, относящиеся к периоду жизни Цветаевой вне России с марта 1922 по май 1925, её дарственная надпись, – здесь всё может стать предметом исследования. И не сразу замечаешь, что в ней рукой Антокольского сделаны пометки. Но чем глубже погружаешься в цветаевскую поэзию, тем интереснее становятся и записи Антокольского. Начинаешь их рассматривать, вникаешь – в каждом значке своя мысль.

Наконец понимаешь, что все эти чёрточки, кружочки, крестики, линии, все комментарии, часто прерванные на полуслове, – выразители интересов, пристрастий, страданий, духовных ценностей и обстоятельств жизни Антокольского, которые мы видим через призму цветаевской поэзии. И появился исследовательский азарт: захотелось разгадать оставленную Павлом Григорьевичем загадку.

Следует заметить, что Антокольскому было свойственно вольное отношение к книгам, в особенности тем, что он использовал для работы. В его обширной библиотеке комментариями исписаны поля сборников и собраний сочинений многих поэтов, писателей, драматургов, которых он любил, к которым постоянно обращался и о которых ему приходилось писать уже как литературоведу: Пушкина, Блока, Достоевского, Гоголя, Лермонтова, Виктора Гюго, Брюсова, Маяковского, Цветаевой... всех не перечить.

Пометки и комментарии Антокольского в книге «После России» делятся на несколько типов. Это свидетельствует о том, что он делал их в разное время и с разными целями. Первые признаки его работы над книгой относятся, судя по всему, к 1964 году. Это пометки, сделанные простым карандашом, без нажима. Обведены номера, под которыми стихи расположены в циклах, помечены крестиком их названия, но чаще всего встречается заглавная буква «Н» перед стихотворением.

Конечно, Антокольский читал эту книгу и раньше, но, во-первых, никогда этого не афишировал, ведь имя Марины

Цветаевой после её отъезда из России на многие годы было вычеркнуто из русской культуры. Можно не сомневаться: Антокольский изданную в Париже книгу с 1928 года хранил в тайне, как хранили антисоветскую литературу. Даже его друзья-поэты долгое время не знали, какой ценностью он владеет. А во-вторых, если прежде он и обращался к этой книге, никакой определённой цели у него не было. Другое дело – 1964 год.

Уже десять лет как вернулась из ссылки Ариадна Сергеевна и, собрав большую часть архива матери, начала работу над публикациями её произведений. В 1964 г. она готовила книгу М.И. Цветаевой для Большой Серии Библиотеки Поэта (ББП) в издательстве «Советский писатель». Главный редактор серии – В.Н. Орлов, друг Антокольского; он же автор вступительной статьи. Вполне вероятно, что и Владимир Николаевич по-дружески, и Ариадна Сергеевна, у которой сложились добрые и доверительные отношения с Антокольским, обратились к нему за советом: что из неопубликованных стихов Цветаевой могло бы войти в готовящийся том. И это понятно: он – компетентный литератор, хорошо знавший советскую конъюнктуру, а главное – доброжелательный и готовый помочь человек. К тому же он едва ли не единственный в Москве владелец книги «После России», без которой работа над поэтическим наследием Цветаевой была бы очень затруднена. Судя по всему, Антокольский принял участие в подготовке трудов Марины Ивановны для ББП.

Чтобы убедиться в обоснованности такой гипотезы, мы подсчитали, какое количество стихов из книги «После России», помеченных буквой «Н», вошло в том ББП. Кроме того, существовало еще два сборника, в той или иной мере отражавших творчество Цветаевой с 1922 по 1925 годы. Во-первых, это сборник, составленный самой Мариной Ивановной по приезду в Россию в 1940 году, который так и не был опубликован. (В дальнейшем мы используем для него сокращенное обозначение Сб40.) Во-вторых, это сборник «Избранное», вышедший в издательстве «Художественная литература» в 1961 году, приуроченный к двадцатилетию елабужской трагедии, и с него, как теперь считается, началось возвращение поэта Цветаевой в Россию. (Мы используем для него обозначение Худлит.) Конечно, составители при подготовке новой книги учитывали содержание и этих сборников тоже. Поэтому мы проверили, какое количество стихов, помеченных Антокольским буквой «Н» в книге «После России», встречаются также и в этих сборниках. Результаты анализа представлены в Таблице 1.

Таблица 1 состоит из четырёх колонок, каждая из которых содержит информацию об одном из четырёх проанализированных нами сборников. Знак «+» возле стихотворения означает, что оно было включено в соответствующий сборник. Знак «-» – что стихотворение не было включено в сборник. Знак «?» в колонке означает, что нам неизвестно, имелось ли в сборнике соответствующее стихотворение.

Данные, приведённые в трёх последних колонках Таблицы 1, позволяют вычислить, какой процент стихов, отмеченных Антокольским буквой «Н» в книге «После России», встречается в Сб40, Худлите и ББП. В случае Сб40 это число получено по приведённой ниже формуле. Формулы для Худлит и ББП аналогичны.

Кол-во «+» в колонке Сб40 $\times$ 100%

Кол-во «+» в колонке «После России»

Расчёты показали, что в Худлите лишь 21% стихов совпал с теми, что отмечены буквой «Н» в принадлежавшем Антокольскому сборнику Цветаевой «После России»; в Сб40 их 65%; в ББП – 93%. Это позволяет заключить, что для готовящегося тома в ББП книга «После России» была основным источником. Таким образом, наша гипотеза подтверждена: Павел Антокольский в 1964 году помогал в составлении новой книги Марины Цветаевой. И заглавная буква «Н» перед многими стихотворениями означает «новое», «неопубликованное» или «нужное».

Таблица 1.

Стихи помеченные буквой «Н» в книге «После России» 1928		С640 1940	Худлит 1961	ББП 1965
Сивилла	+	–	–	+
1. «Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.»				
2. «Каменной глыбой серой...»	+	–	–	+
3. «Сивилла- младенца: К груди моей»	+	?	–	–
Дереья	+	+		
1. «В смертных изверся»				
2. Когда обидой опилась	+	+	–	+
3. Купальщицами в легкий круг	+	+	–	+
4. Други! Братственный сонм	+	+	–	+
5. Беглецы? Вестовые?	+	+	–	+
6. Не краской, не кистью!	+	+	–	+
7. То, что без видения спала	+	+	–	+
8. Кто едет – к смертной победе	+	+	–	+
9. Каким найтием – какими истинами...	+	+	–	+
Хвала богатым	+	–	+	+
Плач цыганки по графу Зубову	+	?	–	–
Федра	+	+	–	+
1. Жалоба «Ипполит! Ипполит! Болит!»				
2. Послание «Ипполиту от матери...»	+	+	–	+
Поэты	+	+	+	+
1. «Поэт издалека заводит речь...»				
2. «Есть в мире лишние, добавочные...»	+	+	+	+
3. «Что же мне делать, слепцу и пасынку...»	+	+	+	+
Диалог Гамлета с совестью	+	+	–	+
Занавес	+	+	+	+
Сахара	+	+	–	+
Наклон	+	+	–	+
Двое	+	–	–	+
1. «Есть рифмы в мире сем...»				
2. «Не суждено, что б сильный с сильным...»	+	–	–	+
3. «В мире, где всяк...»	+	–	–	+
Попытка ревности	+	+	+	+
Полотёрская	+	–	–	+
Расстояние: версты, мили...	+	–	–	+
Количество стихов, помеченных буквой «Н»:	29	19	6	27
Процентное содержание стихов, помеченных буквой «Н» в трех сборниках		65%	21%	93%

По советским понятиям публикация в серии ББП была чрезвычайно престижной: поэт, чьи произведения вышли книгой этой серии, считался признанным классиком. По выходе книги в конце 1965 года Марина Ивановна Цветаева стала фактом русской и советской литературы. И Павел Антокольский содействовал этому. Его имени в официальных источниках, связанных с изданием Цветаевой в ББП, мы не нашли, но мы показали, что к той публикации он причастен был, хотя и неформально. Собственно, уже известно, что в 1960-х Антокольский немало способствовал признанию Марины Цветаевой в русской культуре. Мы получили ещё одно тому подтверждение.

Помимо буквы «Н» возле заглавий встречаются подчёркнутые названия стихов, подчёркнутые строки или отмеченные вертикальной чертой целые четверостишия. Эти пометки относятся, вероятно, к более позднему периоду жизни Павла Григорьевича – концу 1960-х – началу 1970-х, потому что для них уже характерна некоторая, а в ряде случаев и выраженная, нетвёрдость руки: там, где предполагались прямые линии, мы видим извилистые кривые. Руки у Антокольского всегда были неловкие, а после семидесяти это стало заметно уже и в почерке.

Цветаева блестяще владеет словом, и Антокольский внимательно изучает, как она создает свой стих: как рифмует:

«три дольки... и только»⁵², как играет словами: «маятников маята»⁵³, «пошлина бессмертной пошлости»⁵⁴, «перины без перил»⁵⁵, «страсти поджары и ржавы»⁵⁶, «прóводы вверяю проводáм»⁵⁷. Но главное – это образная ткань её стиха: Антокольский отслеживает страница за страницей, как она создаёт поэтические образы: подмечает все Цветаевские оксюмороны: «невыспавшийся сон»⁵⁸, «неприсваивающие руки»⁵⁹, и особенно внимателен к образам, имеющим символическое значение.

Например, в стихотворении «Раковина»⁶⁰ Цветаева называет свои ладони «раковинными», что символизирует объятия любящей, оберегающей женщины. Это и маленький мир, и в то же время бездна: и выйдет из той бездны её возлюбленный «жемчугом». А она, раковина, рождая драгоценный жемчуг, уже не только любовница, но и мать, которой «... каждая пытка в пору, в меру...». Её «руки неприсваивающие», а значит, она не отберёт у любимого свободу, позво-

---

⁵² *Цветаева М.* После России. 1922-1925. Париж. 1928. «Так писем не ждут...». С. 108.

⁵³ Там же. «Минута». С. 109.

⁵⁴ Там же. «Попытка ревности». С. 134.

⁵⁵ Там же. «В мозгу ухаб пролёжан...». С. 137.

⁵⁶ Там же. «Здесь страсти поджары и ржавы...». С. 76.

⁵⁷ Там же. «Чтоб высказать тебе...». С. 66.

⁵⁸ Там же. «Здравствуй! Не стрела, не камень...». С. 14.

⁵⁹ Там же. «Раковина». С. 106.

⁶⁰ Там же. С. 106.

лит ему поступать, как он сам того захочет.

«...*Лишь ты бы, расторгнув плен, Целое море хлебнул взамен!*» Эти последние строки, как и всё стихотворение, символичны. Плен – отношения между любящими, а вот море – символ, допускающий разные интерпретации. С одной стороны, это мир «лжи и зла», из которого она своего любимого когда-то «вызвала и взяла», и теперь, без неё, он хлебнёт горя... (Использованное в стихе слово «хлебнул» невольно вызывает такую ассоциацию.) С другой стороны, это мир со всем его богатством событий, человеческих связей, жизненного опыта, удач, успехов, и это та вершина, на которой может оказаться выпестованный ею избранник. Есть, возможно, и другие интерпретации. С безошибочным чутьём подчеркнул Антокольский последние строки: именно смысловая многозначность символов и делает произведения фактом литературы и искусства.

РАКОВИНА

Из лепрочария ажи и ала
Я тебя вызвала и азала

В зори! Из мертвого сна надробий —
В руки, вот в эти ладони, в обе,

Раковинные — расти, будь тих:
Жемчугом станешь в ладонях сих!

О, не оплатят ни шейх, ни шах
Тайную радость и тайный страх

Раковины... Никаких красавиц
Спесь сокровелий твоих касаясь

Так не присвонит тебя, как тот
Раковинный сокровенный свод

Рук неприсвоняющихся... Спи!
Тайная радость моей тоски.

Спи! Застылая моря и земли
Раковинною тебя объемию:

Справа и слева и лбом и дном —
Раковинный колыбельный дом.

Дням не уступит тебя душа!
Каждую муку туша, глуша,

Сглаживая... Как ладонью свежей
Скрытые громы студя и нежа,

Нежа и жюма... О, чай! О, ярей!
Жемчугом выйдешь из беднии сей.

— Выйдешь! — По первому слову: будь!
Выстрадавшая раадастися грудь

Раковинная. — О, настань створы! —
Матери кандаия пытка и пору,

В меру... Лишь ты бы, расторгнув плен,
Целое море хлебнула взамен!

И-го июля. 1-ое и 2-ое с 76 г.

ЗАОЧНОСТЬ

Кастальскому тону,
Взаимность, авторю не ставь!
Заочность: за оном
Ленкация, вищия явь.

Зауестно, заглазно
Как некое долгое ла
Меж ртом и соблааном
Верету расстония для...

Блаенныи длинноты,
Широты эбнейи и зон!
Пространством как потой
В тебя удалился, нан стои

В тебе удлинились,
Как эхо в гранитную грудь
В тебя ударился:
Не видь и не слышь и не будь —

В другом стихотворении Антокольский отметил: «В мнимую руку взять/Мнимость другой руки»⁶¹. «Руки» здесь, как в предыдущем примере «плен» и «море», — символ.

«Мнимость руки» — символ человека, который может обмануть.

Интерес Антокольского к символике Цветаевой не случаен. Символика была родственна его мировосприятию. Потому и возникло в 1917 году их с Мариной Ивановной «поэ-

⁶¹ Там же. «Помни закон: Здесь не владей!». С. 11.

тическое братство». Ещё в те же годы он увлекался стихами Блока, признанного символиста, называл себя его последователем, признавался, что его первые стихи – сплошное подражание Блоку. Тоже ведь не случайность.

Осмысливая свой путь в поэзии, Антокольский записал в дневнике 24 декабря 1964 года: «Мои стихи конца двадцатых годов, которые я сейчас понемногу восстанавливаю, сильные и сплошь нецензурные – как тогда, так и теперь. Это значит, что я начинал дорогу, которую вынужден был не продолжать». И он ушёл – ушёл туда, куда вели его обстоятельства жизни – в реализм. И нельзя сказать, что это был творческий тупик. Ведь две наиболее зрелые и сильные его поэмы – «Сын» и «В переулке за Арбатом» – написаны в реалистическом ключе. Но Антокольскому всегда было тесно в рамках реализма. А в шестидесятых стало ещё и скучно. И он начал перерабатывать и публиковать свои ранние стихи, но осторожно, потому что всегда помнил 1949 год – кампанию, обвинявшую его в космополитизме, формализме, эстетизме и прочих измах, о которых сегодня вспоминать противно⁶².

Судя по всему, интерес Антокольского к символизму никогда не угасал, хотя временами могло показаться, что он отошёл от него совсем. И сам он так думал. Но анализируя,

---

⁶² Грибачев Н.М. Против космополитизма и формализма в поэзии. Газета «Правда», 16 февраля 1949 г. Фонд Александра Н.Яковлева. Документ №113. Электронный ресурс: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/69552>

как он работал с поэзией Цветаевой, убеждаешься в обратном.

Однако самое, пожалуй, интересное связано с циклом стихов под названием «Провода». Этот цикл надолго приковал к себе внимание Павла Григорьевича. Цветаева воспекает телеграфный столб, «чувств непреложный передатчик». Он могуществен и проносит в стальных проводах то, чего «печатный бланк не вместит»: электрическое «лю-ю-блю...», «про-о-щай...», «про-о-стите...», «ве-ер-нись...», «жа-аль...», «у-у-вы» – всю палитру её неразделённой любви. «Я *прово́ды* *вверяю* *прово́дам*, / *И в телеграфный столб упернись – плачу*»⁶³, – пишет Цветаева. А в следующем стихотворении телеграфному столбу себя уподобляет: «*Гудят* *моей высокой тяги* / *Лирические провода*»⁶⁴.

Антокольский был поражён новизной образа – позднее мы не раз встретим упоминания электротока как метафоры в его произведениях: это и «Электрическая стереорама»⁶⁵, это и целый сборник под названием «Высокое напряжение»⁶⁶, это и публицистическая статья «Перевод – служба связи»⁶⁷. У Антокольского сравнение себя и поэзии с электрической

---

⁶³ Цветаева М. После России. 1922-1925. «Чтоб высказать тебе...». С. 66.

⁶⁴ Там же. «Всё перебрал и всё отбросив...». С. 67.

⁶⁵ Антокольский П. Электрическая стереорама. Стихотворения и поэмы. Изд-во Советский писатель, Ленинградское отделение. 1982. С. 254.

⁶⁶ Антокольский П. Высокое напряжение. М.: Советский писатель, 1962.

⁶⁷ Антокольский П. Перевод – служба связи. Литературная газета, 19 февраля, 1966.

энергией не такое как у Цветаевой, но образ, несомненно, тот же. Оказалось, что любимое Антокольским «четвёртое измерение», как символ чего-то таинственного и непостижимого, у Цветаевой тоже встречается, хотя и несколько в ином значении. Похоже, «четвёртое измерение» заимствовано им у Марины Ивановны.

Самое поразительное, что в одном из стихотворений цикла фигурируют слова и выражения, принятые в современной математике, особенно в той её части, которая стремительно развивалась именно в конце XIX – начале XX века.

Это сердце моё, искрою
Магнетической – рвёт метр.

– «Метр и меру?» Но четвёртое
Измерение мстит! – Мчись
Над метрическими – мёртвыми –
Лжесвидетельствами – свист!⁶⁸

В виде поэтических образов здесь появляются такие научные понятия, как «метр и мера», «метрические пространства», «четвёртое измерение». Можем предположить, что о двух последних понятиях Цветаева узнала в Берлине или в Праге – культурных центрах Европы. Ещё в 1911 году бы-

---

⁶⁸ Цветаева М. После России. «Самовластная слобода! Телеграфные провода!..» С. 68.

ла издана брошюра «Время и пространство» немецкого математика Г. Минковского. Она распространялась в образованных кругах европейского общества. Эти теории изучали в университетских курсах философии. Прочла ли Марина Ивановна о метрических пространствах и четвёртом измерении, услышала ли от кого-то из научной среды, объяснил ли ей кто-то смысл этих явлений – сказать трудно. Несомненно одно: она использовала их в своих стихах с пониманием.

Взять хотя бы «метр». С одной стороны, это понятие научное, так же как и «четвёртое измерение», с другой – оно из теории стихосложения, определяется как ритмическая повторяемость ударных и безударных слогов. Метр – это то явление, в котором математика соприкасается с поэзией. Интересно то, что в отличие от многих других поэтов, панически боявшихся математики, Цветаева её не избегала.

В творчестве Антокольского «высокое напряжение» и «четвёртое измерение», возможно, выглядели причудами художника. Но это был прорыв в новое поэтическое видение, свойственное ещё Цветаевой. Проживи Цветаева дольше, она могла бы донести до читателей открывшуюся ей связь науки и поэзии, но этого не произошло. В некоторой степени данную задачу выполнил Антокольский.

И наконец, последний, завершающий этап работы Антокольского с книгой «После России» отражён в его коротких фразах, записанных возле дат цветаевских стихов. Записи

сделаны в 1977-м – предпоследнем году его жизни.

Возле «11 августа» находим фразу «Началось на ул. Щукина». Возле «12 августа» – фразу «Уже Открытое шоссе». Рядом с «28 августа» – «Еще Открытое шоссе». Возле «15 сентября» – «Выезд с Открытого шоссе». Эти даты удивительным образом совпадают с датами событий, произошедших в жизни Антокольского, но гораздо позже, через 54 года после написания Цветаевой её стихов. Лето и осень 1977 года, более месяца, Павел Григорьевич провёл в больнице. Так что его «началось на улице Щукина» надо понимать как начало заболевания – головная боль, потеря сознания, вызов скорой помощи. На следующий день он был госпитализирован, и располагалась больница на Открытом шоссе. Вернулся же он домой действительно в середине сентября.

Антокольский придавал большое значение совпадениям, особенно совпадениям дат, и ожидал, что за этим на первый взгляд поверхностным совпадением кроется более глубинное, и искал его в содержании стихов. И интересно, что находил! Так, в стихотворении «Письмо»⁶⁹, дату которого Антокольский пометил как начало своей болезни, находим такие строки:

Так счастья не ждут,
Так ждут – конца:
Солдатский салют

---

⁶⁹ Там же. «Письмо». С. 108.

И в грудь свинца
Три дольки. В глазах краснó.
И только. И это – всё.

.....

(Квадрат письма: Чернил и чар!)

Для смертного сна
Никто не стар!

«В глазах красно. / И только. И это – всё», – пишет Мари-
на Ивановна 11 августа 1923 года, но это же то, что фактиче-
ски произошло 11 августа 1977 года с Антокольским! И он
в самом деле мог не вернуться из забвения. Интересное сов-
падение. А вот ещё одно. В стихотворении «Минута»⁷⁰, воз-
ле даты написания которого Антокольский оставил запись о
своём прибытии в больницу, у Цветаевой читаем: «О как я
рвусь тот мир оставить, / Где маятники душу рвут...». Зна-
чит, оба поэта 12 августа разных лет думали о возможности
«мир оставить». И уж совсем невероятное совпадение связа-
но с 15 августа. Цветаева в этот день в 1923-м написала сти-
хотворение «Последний моряк», в котором есть строки: «...
с тобой, о жизнь, / Торгуюсь: ещё минутку...»⁷¹ А Антоколь-
ского в этот день в 1977-м выписали из больницы. И было
так естественно для него, вернувшись домой, отметить вер-
тикальной чертой на полях около стихотворении «Что, Муза

---

⁷⁰ Там же. «Минута». С. 109

⁷¹ Там же. «Моряк». С. 118

моя? Жива ли ещё?..»⁷² такие строки:

– Что, братец? Часочек выиграли?
Больничное перемигиванье.
Эх, дело мое! Эх, марлевое!..

Получается, что Марина Ивановна предугадала – день в день – что произойдёт с Антокольским через полвека? Или это он в конце своей жизни выполнил какую-то намеченную ею, вероятно, для себя самой, программу бытия, но не состоявшуюся из-за ранней её гибели? Каким языком описать это явление? Может быть, поэты знают? Мы, учёные, – пока нет.

Комментарии Антокольского к другим стихам сборника вызваны более радостными воспоминаниями – о его прошлом за год до этого восьмидесятилетнем юбилее. Рядом с датой стихотворения «Двое» – 30 июня 1924 г. он пишет «*Сабантуй 76 г.*». Так он называет празднование своего восьмидесятилетия. И похожую запись находим в конце стихотворения «Раковина», датированного 31-м июня, – «*1-ое и 2-ое в 76 г.*». В те дни – первого и второго июля 1976 г. – проходило чествование Павла Антокольского в московском доме литераторов – сначала в большом актовом зале, а на следующий день – в банкетном зале. Это было самое яркое и радостное событие последних лет его жизни: пришли его друзья и коллеги, – все, кто его любил и почитал. Ему руко-

---

⁷² Там же. «Что, Муза моя? Жива ли еще?» С. 149.

плескали сотни поклонников – большой зал дома литераторов был переполнен. Он был счастлив. А потом он вернулся домой, в обстановку, которую никак нельзя было назвать благоприятной.

Шариковой ручкой размашисто оставил Антокольский записи в такой ценной книге!.. Но не будем упрекать Павла Григорьевича. То, что для многих выглядит беспечностью, небрежностью, а для библиофилов просто-таки вандализмом, в данном случае – свидетельство крайней заброшенности старого поэта. Вполне могло случиться, что у него и карандаша-то оточенного не было. Незаслуженно горькая и не по возрасту трудная выпала ему старость⁷³.

Он угасал. Уже не писал стихов. Оставалось совсем недолго... Он думал о смерти. В одном из стихов находим подчёркнутую им строку: «Смерть – тоже вне класса!»⁷⁴. И ещё среди родственных ему мыслей Марины Ивановны им выделена вот эта:

Ятаган? Огонь?

Поскромнее, – куда как громко!

Боль, знакомая, как глазам – ладонь,

Как губам –

Имя собственного ребенка.⁷⁵

---

⁷³ Антокольский П. Неопубликованные дневники за 1975-1976 годы.

⁷⁴ Цветаева М. После России. «Моряк», С. 124

⁷⁵ Там же. «Ятаган? Огонь?» С. 139

М.И. Цветаева не из легко понимаемых поэтов, и не всё в её стихах Антокольский понимал и принимал тотчас же по прочтении – он до многого дозревал с годами. Он снова и снова к ним возвращался – в некоторых стихах пометки сделаны дважды, а то и трижды. Это и «Раковина», и цикл «Провода». С ними он рос и как поэт, и как личность. А когда старость совсем сузила поле его внимания и казалось, что он теряет чувство реальности, книга, с которой он за добрые полвека сроднился, сослужила ему еще одну добрую службу. Она стала для него универсальной помощницей, панацеей, иначе не скажешь – здесь и поэзия, в которой он находит утешение, и календарь, благодаря которому соотносит себя со временем, и своего рода дневник. И, может быть, по-настоящему он понял Марину Ивановну Цветаеву – всю трагедию её существования и существования – именно в последний, предсмертный период своей жизни.

На титульном листе книги есть дарственная надпись: «Дорогому Павлику Антокольскому. Москва – Мёдон – ? Марина Цветаева. Мёдон, 20-го июня 1928 г. Vergangenheit steht noch bevor»⁷⁶. Цветаева не знала, где произойдёт их следующая встреча и произойдёт ли – об этом говорит знак вопроса в предложении «Москва – Мёдон – ?», – но она верила, что их поэтическое братство, рождённое «в советской – якобин-

---

⁷⁶ Фраза заимствована М.И. Цветаевой у Р. Рильке, с которым она в 1926 г. состояла в переписке.

ской – Маратовой Москве»⁷⁷ не прошло бесследно. Заключительная фраза в переводе с немецкого звучит так: «Прошлое ещё предстоит». Её слова оказались пророческими. И то, что делал поэт Антокольский, чтобы в русской культуре осталось имя поэта Цветаевой, добрая память о ней, и та роль, которую сыграла в его жизни и особенно в старости подаренная ему Мариной книга, – это ли не знаки их поэтического братства?

---

⁷⁷ Строка из стихотворения, написанного к Новому 1919 году и посвящённого М. Цветаевой друзьям студийцам-вахтанговцам П. Антокольскому, Ю. Завадскому и В. Алексеву. См.: *Цветаева М. Повесть о Сонечке*//Собрание сочинений в четырёх томах. Т. IV. С. 355.

Примечание

Работа впервые представлена на XVIII Международной научно-тематической конференции в Доме-музее Марины Цветаевой в 2014 году; опубликована в сборнике докладов конференции.

Цитировать: Тоом А.И., Тоом А.Л. Заметки на полях. О работе П.Г. Антокольского над книгой М.И. Цветаевой «После России» // Актуальная Цветаева – 2014. XVIII Международная научно-тематическая конференция, 8-10 октября 2014. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2016. С. 287-300.

Так о Ком же мечтали деды? К истории знакомства Марины Цветаевой и Павла Антокольского

Первая встреча Марины Цветаевой и Павла Антокольского произошла в Москве поздней осенью 1917 года. Ей предшествовало заочное знакомство Марины Ивановны с его творчеством. Она написала о нём в своих воспоминаниях:

«Был октябрь 1917 года. Да, тот самый. Самый последний его день, то есть первый по окончании (заставы еще догромыхивали). Я ехала в тёмном вагоне из Москвы в Крым. Над головой, на верхней полке, молодой мужской голос говорил стихи. Вот они:

И вот она, о ком мечтали деды
И шумно спорили за коньяком,
В плаще Жиронды, сквозь снега и беды,
К нам ворвалась – с опущенным штыком!

И призраки гвардейцев-декабристов
Ведут полки под переклик горнистов,
Под зычный вой музыки боевой.
Сам Император в бронзовых ботфортах

Позвал тебя, Преображенский полк,
Когда в заливах улиц распростертых
Лихой кларнет – сорвался и умолк...

И вспомнил он, Строитель Чудотворный,
Внимая петропавловской пальбе –
Тот сумасшедший – странный – непокорный,
Тот голос памятный: «Ужо Тебе!»⁷⁸

– Да что же это, да чьё же это такое, наконец?

– Автору – семнадцать лет, он ещё в гимназии. Это мой товарищ Павлик А.»⁷⁹.

Молодой мужской голос принадлежал Сергею Гольцеву⁸⁰, другу и однополчанину С.Я. Эфрона (мужа М.И. Цветаевой), вместе с которым они пробирались в Крым, в Добро-

---

⁷⁸ В своих воспоминаниях М.И.Цветаева (1990-1941) воспроизвела это стихотворение по памяти. В нем есть несовпадения с автографом стихотворения: заменены слова, утрачена оригинальная пунктуация. В последующем тексте статьи стихотворение цитируется в соответствии с автографом.

⁷⁹ *Цветаева Марина*. Повесть о Сонечке // В завтра речь держу... Автобиографическая проза. 1925-1937.М., «Вагриус». 2004. С.371.

⁸⁰ Сергей Иванович Гольцев (1896–1918) – ученик театральной студии Е.Б. Вахтангова. В 1916 г. мобилизован на военную службу. В 1917 г. прошел курс обучения в 1-й Петергофской школе прапорщиков для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Участник октябрьских боёв в Москве. Вместе с другом и однополчанином С.Я. Эфроном после октябрьского переворота в ноябре 1917 г. ушёл в Добровольческую армию. Погиб во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода. *Эфрон Сергей*. Записки добровольца. М: Возвращение, 1998. С. 71, 220.

вольческую армию. Гольцев рассказал им об Антокольском и его поэзии.⁸¹

По возвращении из Крыма Марина Ивановна разыскала Павлика⁸². Так началась их дружба, их «поэтическое братство»⁸³, о котором хорошо известно сегодня в истории литературы. А вот повод для знакомства двух поэтов не привлёк внимания специалистов – до сих пор не сделано ни одной попытки прокомментировать это знаковое стихотворение.⁸⁴

---

⁸¹ Сергей Гольцев ошибся: в 1917 г. Павлу Антокольскому исполнился 21 год. П. Антокольский был невысокого роста, субтильного сложения и еще долго после окончания гимназии донашивал гимназические китель и фуражку, что, по видимому, и вводило в заблуждение его товарищей. Он окончил гимназию в 1913 году, недолго посещал народный университет им. Шанявского, а затем прослушал два курса на юридическом факультете МГУ. В 1915 г. был зачислен в актёрскую труппу студии в Мансуровском пер., которой руководил Е.Б. Вахтангов (1883–1922).

⁸² По воспоминаниям М.И. Цветаевой, «Павлик жил где-то у Храма Христа Спасителя...». *Цветаева Марина*. Повесть о Сонечке. С.372. Действительно, Антокольские: родители Григорий Моисеевич (1876–1941) и Ольга Павловна (?–1935), а также двое из троих детей – Павел и Надежда – жили в те годы по адресу: ул. Остоженка, д. 3.

⁸³ Так охарактеризовал свои отношения с М. Цветаевой сам Антокольский.

⁸⁴ Стихотворение впервые появилось в печати благодаря публикации упомянутых воспоминаний М.И. Цветаевой в журнале «Новый мир» (1976, №3-4). Вторая публикация стихотворения состоялась благодаря изданию книги литературоведа Л.И. Левина (1911–1998) о жизни и творчестве П.Г. Антокольского (*Левин Л.И. Четыре жизни*. 2-е изд. М.: «Советский писатель», 1978. С. 57). В этой книге стихотворение соответствует тексту автографа; приводится под названием «Свобода». Последняя публикация стихотворения состоялась уже в постсоветскую эпоху. См. *Антокольский Павел*. Далеко это было где-то... // М.: Изд-во дома музея Марины Цветаевой, 2010. С. 87.

Между тем, оно заслуживает пристального внимания. В нём и нерв Истории, и мироощущение автора; оно сродни и глубоко личным переживаниям Цветаевой.

Что же потрясло Марину в этом стихотворении? Только ли его поэтическая безупречность? Или она уловила в нём некий скрытый смысл? И почему стихотворение посвящено княгине? Кто она такая? – На все эти вопросы мы постарались ответить в нашей статье.

Для исследования был использован оригинальный вариант стихотворения.⁸⁵

---

⁸⁵ Поэтическая тетрадь автора, содержащая стихотворение, хранится в фондах Литературного музея им. А.С.Пушкина в г. Вильнюсе.

кн. Е. П. Тархановой.

И вот Она, о Ком мечтали деды
И шумно спорили за копыльком,
В плащѣ Жиронды, сквозь сѣтѣ и дѣды
Вломилась к нам с опущенными тыком.

И призраки гвардейцев-декабристов
Над сѣтѣвой, над пушкинской Невой
Ведут полки под переклик горкистов
И зычный вой музыки боевой.

Самъ Император в бронзовых ботфортах
Позвал тебя, Преображенскій полк,
Когда в разливах улицу распростертых
Лихой кларнет метнулся и умолк.

И вспомнил Он, Строитель Тудотворный,
Внимая Петропавловской пашѣѣ,
Пот сумашедшій, стракный, непокорный,
Пот голос памятный: Ужо Пѣѣѣ.

Автограф стихотворения П.Г. Антокольского с посвящением княгине Е.П. Тархановой. Рукописная поэтическая тетрадь, осень 1917. Хранится в фондах Литературного

музея им. А.С. Пушкина, Вильнюс

В плаще Жиронды, сквозь снега и беды...

Стихотворение было написано в марте-апреле 1917 года – вслед за только что произошедшей в России Февральской революцией. Автор проводит параллель с Великой Французской революцией, и сходство, в самом деле, есть. Не случайно и то, что революция у Антокольского одета в *плащ Жиронды*⁸⁶. Жирондисты, в отличие от своих соперников, фанатичных и жестоких якобинцев, были людьми по своим взглядам либеральными и гуманными.⁸⁷ Вот и в России – Февральская революция была более демократически настроенной, чем последовавший за ней октябрьский переворот.

---

⁸⁶ Жиронда – одна из политических партий в эпоху Великой Французской революции (1789–1799); её предводители были депутатами от департамента Жиронды.

⁸⁷ Среди жирондистов было много убеждённых идеалистов, веривших в добро и справедливость, к тому же людей артистически одарённых, прекрасных ораторов. Однако качеств, необходимых для победы в революции, у них не было, потому верх и одержали их политические соперники якобинцы, и это привело к террору, массовым казням. Жирондисты стали первыми жертвами последовавших репрессий. Большие энтузиасты революции, но, в отличие от якобинцев, не палачи, жирондисты «всходили на гильотину с «Марсельезой» на устах» (См. *Л. Фон Захер-Мазох. Наслаждение в боли. М: ЭКСМО-ПРЕСС. 1999*). Партия жирондистов была предметом критики со стороны большевиков. «Мы за якобинцев против жирондистов», – писал Ленин. (*В.И. Ленин. Полное собр. соч., изд-е 5-е, т. 48. М: Издательство Политической Литературы, 1970. С.234*).

Французской революции была свойственна зрелищность – она привлекала увлечённого театром Антокольского.⁸⁸ Примечательно и то, что плащ жирондистов походил на тогу древних римлян – значит, они видели себя и свою деятельность в контексте истории. Это тоже привлекало Антокольского, любившего и знавшего историю.

Антокольский пишет о русской революции – о *Ком* – с большой буквы, потому что он её персонифицирует, так же как многие художники и поэты Франции персонифицировали социальные реалии. Мы находим персонификацию и в картине Эжена Делакруа⁸⁹ «Свобода, ведущая народ», и в стихотворении Артюра Рембо⁹⁰ «Руки Жанны Мари», где Жанна Мари – символ революции. Антокольский и в этом продолжает французскую культурную традицию.

---

⁸⁸ *Тьерсо Жюльен. Песни и празднества Французской революции / Пер. с франц. К.М.Жихаревой (1870-е–1950) // М.: Государственное музыкальное издательство, 1933.*

⁸⁹ Эжен Делакруа (1798–1863) – французский живописец и график, предводитель романтического направления в европейской живописи. На его картине «Свобода, ведущая народ» (1830), женщина воплощает июльскую революцию 1830 года, положившую конец режиму реставрации монархии Бурбонов и давшую начало Третьей Республике. Хранится в музее Лувра в Париже.

⁹⁰ Жан Николая Артюр Рембо (1854–1891) – одна из самых ярких и загадочных фигур французской поэзии, которого сегодня считают предтечей едва ли не всех значимых направлений поэзии XX века; участник Парижской коммуны. *Антокольский П. Артюр Рембо // Собр. соч. в 4 т. М.: Изд-во «Художественная литература», 1972. Т.3. С.505-534.* Стихотворение «Руки Жанны Мари» входит в число стихов А. Рембо, переведенных П.Г. Антокольским с французского. *П. Антокольский. Медная лира. М.: Художественная литература, 1970. С.180-182.*

В стихотворении говорится, что о произошедшей революции ещё *мечтали деды*. Может быть, автор имеет в виду своего деда Павла Матвеевича Антокольского, отца матери, в чью честь он был наречён Павлом, и его брата Марка Матвеевича Антокольского, своего двоюродного деда, великого российского скульптора⁹¹? Жили они в Санкт-Петербурге трудно, по крайней мере в первое время, в нужде. Не они ли мечтали о революции *и шумно спорили за коньяком*? – Нет, едва ли. Коньяк всегда был напитком изысканным – такой позволить себе могли только люди высшего сословия. К тому же, молодого и талантливого скульптора вскоре заметит сам император Александр II, что в одиночасье изменит судьбу провинциального самородка⁹². Так что не родственные *деды*

---

⁹¹ Братья переехали в Санкт-Петербург из г. Вильно (в наст. вр. г. Вильнюс, Литовская Республика): сначала Марк Матвеевич Антокольский (1843–1902) на учебу в Петербургскую Академию Художеств, а вслед за ним – со своим семейством и его старший брат Павел Матвеевич.

⁹² М.М.Антокольский не мог стать полноправным студентом – отсутствовала образовательная подготовка; в 1862 г. его приняли в Академию вольнослушателем. Когда он изваял знаменитую скульптуру Ивана Грозного (1871), академики отказались взглянуть на неё. Он обратился к великой княгине Марии Николаевне, в то время президенту Академии Художеств. Увидев статую, Мария Николаевна пригласила посмотреть на неё и своего брата Александра II. На царя скульптура произвела огромное впечатление – он приобрёл её для Эрмитажа и заплатил за неё по тому времени большие деньги, которые окупили все расходы ученических лет скульптора. Академики спохватились и срочно исправили свою ошибку, наградив студента (!) членством в императорской Академии Художеств. В одночасье из бедного провинциала он превратился в знаменитого скульптора, которому покровительствовал сам император. В 1878 г. на всемирной выставке в Париже М.М. Антокольский был удостоен высшей награды – медали почёта и

имеются в виду, а исторические.

Если Павел Антокольский – ровесник революционных событий начала XX века, то его родители – ровесники народо-вольческого движения, а прауродители – свидетели декабрьского восстания. Короче, *деды* – это декабристы. О них пойдёт речь в стихотворении. Революция, пришедшая *сквозь снега и беды*, тоже указывает на историческую преемственность: спустя сто лет свершилось событие, о котором спорили, которого ждали, и тоже зимой. Что же касается родных автора, к ним мы ещё вернёмся, потому что и они сыграли роль в рождении стихотворения.

Призраки гвардейцев-декабристов

Призраки гвардейцев-декабристов, возникшие на Сенатской площади через сто лет после поражения декабрьского восстания, – поэтический образ. *Ведут полки* другие люди – реальные, организаторы Февральской революции – с их идеями, отражающими иную историческую ситуацию. Но вдохновляют их, по видению Антокольского, декабристы. Декабристы мечтали о лучшей судьбе для своей страны – наподобие передовых западных держав, таких как Англия с её конституционной монархией⁹³ или Франция с её Республикой⁹⁴.

ордена Почётного легиона. Впоследствии он стал почётным членом Парижской, Венской, Берлинской, Лондонской и др. европейских академий.

⁹³ В Англии XVIII–XIX веков, какой её могли знать русские просвещённые люди того времени, король делил правление с парламентом, премьер министром и кабинетом министров; невозможной была концентрация власти в одних руках и, как результат этого, самодержавие (при законной передаче власти) или узур-

Осуществить эту мечту передовому русскому дворянству начала XIX века не удалось. Не удалось даже организовать восстание.

Ниже приводится иллюстрация события, произошедшего на Сенатской площади 14 декабря 1825 года, сделанная одним из очевидцев.

Широким полукругом стоят пехотинцы, ждут приказа своих командиров, но декабристы бездействуют, потому что между ними, как мы теперь знаем из многочисленных документов, – несогласие и разлад. Перед ними – верный императору конный полк. Царские полководцы стягивают его в центр площади, чтобы обеспечить защиту и перекрыть восставшим путь ко дворцу. Позади восставших – петербуржцы с недоумением глядят на происходящее. Над оградой, возвышающейся на заднем плане слева, тоже фигуры любопытствующих. Клубами поднимается над землёй пар от морозного дыхания лошадей, смешанный с дымом начавшихся оружейных выстрелов. Но стреляют не восставшие.

пация (при незаконном захвате власти).

⁹⁴ Республика – форма правления, при которой все органы государственной власти либо избираются на определённый срок, либо формируются общенациональными представительными учреждениями (например, парламентом), а граждане обладают личными и политическими правами. Политический путь Франции к республиканскому правлению был сложным: республика дважды сменялась самодержавием и диктатурой. Передовому российскому дворянству первой четверти XIX века, к которому относились декабристы, была известна Первая Французская республика (1792–1804), провозглашенная Великой Французской революцией (1789–1799).

Своих планов декабристы так и не осуществили. Ни одна декларируемая ими цель не была достигнута. И уж совсем нелепыми выглядели их действия в свете тех страшных обвинений, которые вынес им суд⁹⁵. Они долго стояли, надеясь, что Николай I пойдёт на уступки, но царя это только ожесточило, и с наступлением сумерек, боясь, что взбунтуется ещё и толпа, царь отдал приказ расстреливать повстанцев картечью. То, что можно лишь условно назвать восстанием, было жестоко подавлено.

Несмотря на их беспомощность в качестве заговорщиков, декабристы всё же создали исторический прецедент – после них мечта о переустройстве российского общества уже не казалась несбыточной. Правда, воплотить её удалось только столетие спустя. И уж тогда полки мятежников-современников пошли *под переклик горнистов*, символизирующий слаженность военных действий. И снова прав автор: Февральская революция 1917 года была гораздо лучше подготовлена, чем декабрьское восстание 1825-го.

---

⁹⁵ Мемуары декабристов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000101/index.shtml> (Дата обращения 20.8.2016).

Санкт-Петербург. Сенатская площадь 14 декабря 1825 г. Работа К. Кольмана⁹⁶. 1830-е. Акварель. Хранится в кабинете гр. А. Х. Бенкендорфа в его эстляндском имении Фалль⁹⁷.

---

⁹⁶ Карл Иванович Кольман (1786–1846) – художник, педагог. Учился в Германии, в Россию переехал в начале 1800-х. В 1839 г. получил звание академика Санкт-Петербургской Императорской Академии Художеств. *Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы в Санкт-Петербурге»*. [Электронный ресурс]. (Дата обращения 20.8.2016).

⁹⁷ Шлосс Фалль (*schloss* – замок, *fallen* – падать, *wasserfall* – водопад; пер. с нем.) – эстляндское родовое имение Александра Христофоровича Бенкендорфа (1783–1844), расположенное к западу от Таллина неподалёку от водопада на реке Кейла. *Блоцкая Барбара. Фалль, дивный Фалль...* // В русском портале: История Эстонии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://>

Император в бронзовых ботфортах

Император в бронзовых ботфортах – это, конечно, Пётр Первый, а бронзовые ботфорты потому, что из бронзы был сделан монумент, воздвигнутый Петру на Сенатской площади⁹⁸. Так в одной строке Антокольский объединил и реального героя, и память о нём, увековеченную в бронзе.

Император Пётр *позвал Преображенский полк*⁹⁹ – позвал, несомненно, чтобы защитить русскую монархию: в контексте данного стихотворения – Николая I, своего дальнего потомка династии Романовых. Но тем самым Пётр Первый защищает и себя, и русскую государственность. *Разливы улиц*

---

⁹⁸ «Медный всадник» – памятник Петру Первому работы Этьена-Морица Фальконе (1716-1791) установленный в 1782 г. на Сенатской площади в Санкт-Петербурге по инициативе Екатерины II. Монумент изготовлен из бронзы, а название получил благодаря знаменитой поэме А.С. Пушкина. *Медный всадник в Санкт-Петербурге – памятник Петру Первому*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bolshoyotvet.ru/art-i-culture/545-kto-izobrazhen-na-pamyatnike-mednyy-vsadnik-v-sankt-peterburge.html> (Дата обр.: 1.1.2016).

⁹⁹ Лейб-гвардии Преображенский полк – пехотный полк русской императорской армии, сформированный в 1691 г. Петром Первым (1672–1725). При Петре Первом полк участвовал в Северной войне (1700–1721) и Персидском походе (1722–1723); в XVIII-XIX веках участвовал в нескольких русско-турецких и русско-шведских войнах, в Отечественной войне и заграничном походе русской армии (1812–1814), а также в Первой мировой войне (1914–1918). Одна из рот запасного батальона участвовала в Февральской революции 1917 г. Был расформирован в 1918 г. и вскоре присоединился к Добровольческой армии на юге России.

распростёртых – символ покорности, побеждённости. Улицы распростёрты, потому что перед мощью Петра всё падает ниц. Вот и *лихой кларнетист метнулся и умолк* – значит, Преображенский полк одерживает победу: как при Петре Великом, так и Николае I.

Однако чрезмерность игры с временной перспективой может создать впечатление хаотичности. Начинает автор с Февральской революции, потом уводит читателя во времена гвардейцев-декабристов и тут же устремляется в эпоху Петра. И над всем этим витает дух Великой Французской революции, в свою очередь, напоминающей о древнем Риме, о Римской республике. Может показаться, что четверостишия сюжетно не связаны между собой, но это не так.

Обратимся ещё раз к приведённой выше иллюстрации Сенатской площади в день восстания 14 декабря 1825 года. Мы видим здесь и гвардейцев-декабристов, и набережную Невы, и монумент Петру I, и кажется, что сам дух Петра витал над Санкт-Петербургом в тот грозный час. Не исключено, что Антокольский, хорошо образованный несмотря на свой юный возраст, тоже знал эту иллюстрацию и, быть может, даже руководствовался ею как документом эпохи. Так или иначе, он не случайно соединил их всех в одном сюжете.

И Санкт-Петербург, и декабрьское восстание, и февральская революция, и петровская Россия, и Преображенский полк, и Нева – это символы, «говорящие» образы, отклики на события прошлого России, связанные исторической логи-

кой. И эти события особенные, знаковые для ментальности
русского интеллигента XIX – начала XX веков, каковы-
ми были оба – и Марина, и Павел.

Голос памятный: «Ужо тебе!»

В стихотворении присутствует, хотя и не явно, ещё один персонаж – поэт Пушкин с его знаменитой поэмой «Медный всадник»¹⁰⁰. И Нева у Антокольского – *пушкинская Нева*, и Петра Первого он называет *Строителем Чудотворным*, как он назван у Пушкина¹⁰¹, и *голос памятный* – это голос Евгения, героя пушкинской поэмы.

По сюжету поэмы, Евгений, бедный чиновник, влюблён в девушку, живущую у взморья. Из-за наводнения она погибает. От горя Евгений теряет рассудок. Как-то ночью он приходит к памятнику Петра I, которого считает виновником петербургского бедствия, и грозит ему: «Ужо тебе!». После этого безумцу начинает казаться, что всадник мчится за ним, всюду его преследуя. Вскоре Евгений умирает.

Исторической основой «петербургской повести» (так назвал её Пушкин) стало произошедшее 7 ноября 1824 года наводнение, самое глубокое и разрушительное за всю историю северной российской столицы¹⁰². Во время морского прили-

---

¹⁰⁰ Поэма «Медный всадник» считалась одним из самых вольнодумных произведений А.С. Пушкина. Брюсов В.Я. Медный всадник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/pushkin/about/brusov001.htm> (Дата обращения: 1.8.2016).

¹⁰¹ Пушкин А.С.. Медный всадник. Петербургская повесть. 1833. Л.: «Наука». 1978. С.22.

¹⁰² Пушкин А.С.. Медный всадник. Петербургская повесть. 1833. Л.: «Наука».

ва река Нева разлилась, и утонули, пропали без вести тысячи людей. В стихотворении Антокольского о том трагическом событии напоминают улицы-разливы.

Увлечённый строительством российской столицы («В Европу прорубить окно / Ногою твёрдой встать при море»¹⁰³), император Пётр I не думал о той угрозе, которой подверг жителей, в особенности – бедную часть населения, живущую в низине. Он был озабочен могуществом России как государства, но игнорировал интересы простонародья. В конце концов, то, что имело военное значение для державы («Отсель грозить мы будем шведу»¹⁰⁴), обернулось несчастьем для её собственных граждан.

Уже в юности большой поклонник Пушкина, Антокольский вслед за своим кумиром возвеличил Петра Первого, спроецировал его на все эпохи. У него Пётр и сегодня жив, оттого и «вспоминает» пригрозившего ему несчастного безумца из следующего столетия.

«Но пусть хоть вечно останется жив, – как бы говорит Антокольский вслед за Пушкиным, – кулак, обращённый к нему, тоже вечен».

Этой мыслью о неизбежном возмездии – «Ужо тебе!» – и заканчивается стихотворение. Пётр Великий покорила природу, заложив столицу российского государства «при море»,

---

1978. С.103.

¹⁰³ Там же. С.9.

¹⁰⁴ Там же. С.9.

и в результате жители Санкт-Петербурга по сей день расплачиваются за грандиозность государевых строителей, страдают от разрушительных наводнений. Николай I не пожелал диалога с декабристами: казнил их, сослал в Сибирь, заточил в казематы, – а через сто лет пришли другие бунтари и без всяких переговоров попросту расстреляли Николая II и всю его семью¹⁰⁵. Едва ли предвидели декабристы, мечтая о революции, что она будет направлена против них же, но когда она наконец грянула в октябре 1917-го, началось тотальное истребление российского дворянства. За всё приходит расплата.

---

¹⁰⁵ Убийство произошло 17 июля 1918 г., санкционированное Президиумом ВЦИК большевиков. *Расстрел российского императора Николая II и членов его семьи*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/history_spravki/20130717/948958103.html (Дата обращения: 7.15.2016).

Медный всадник. Работа П.Г. Антокольского. Середина 1960-х¹⁰⁶. Аппликация. Цв.тушь, гуашь, цв.бумага, фольга. Хранится в фондах Литературного музея им. А.С. Пушкина, Вильнюс

Исторической основой «петербургской повести» (так назвал её Пушкин) стало произошедшее 7 ноября 1824 года наводнение, самое глубокое и разрушительное за всю историю северной российской столицы¹⁰⁷. Во время морского прилива река Нева разлилась, и утонули, пропали без вести тысячи людей. В стихотворении Антокольского о том трагическом событии напоминают улицы-разливы.

Увлечённый строительством российской столицы («В Европу прорубить окно / Ногою твёрдой встать при море»¹⁰⁸), император Пётр I не думал о той угрозе, которой подверг жителей, в особенности – бедную часть населения, живущую в низине. Он был озабочен могуществом России как государ-

---

¹⁰⁶ В 1965 г. врачи запретили П.Г. Антокольскому писать стихи, хотя бы на время, чтобы исключить волнения в период восстановления после инфаркта. Он занялся художественным творчеством – иллюстрировал свои поэмы и русскую и зарубежную классику. Наиболее широко по тематике и разнообразно по технике были представлены в его художественной коллекции произведения А.С. Пушкина.

¹⁰⁷ *Пушкин А.С.* Медный всадник. Петербургская повесть. 1833. Л.: «Наука». 1978. С.103.

¹⁰⁸ Там же. С.9.

ства, но игнорировал интересы простонародья. В конце концов, то, что имело военное значение для державы («Отсель грозить мы будем шведу»¹⁰⁹), обернулось несчастьем для её собственных граждан.

Уже в юности большой поклонник Пушкина, Антокольский вслед за своим кумиром возвеличил Петра Первого, спроецировал его на все эпохи. У него Пётр и сегодня жив, оттого и «вспоминает» пригрозившего ему несчастного безумца из следующего столетия.

«Но пусть хоть вечно останется жив, – как бы говорит Антокольский вслед за Пушкиным, – кулак, обращённый к нему, тоже вечен».

Этой мыслью о неизбежном возмездии – «Ужо тебе!» – и заканчивается стихотворение. Пётр Великий покорил природу, заложив столицу российского государства «при море», и в результате жители Санкт-Петербурга по сей день расплачиваются за грандиозность государевых строителей, страдают от разрушительных наводнений. Николай I не пожелал диалога с декабристами: казнил их, сослал в Сибирь, заточил в казематы, – а через сто лет пришли другие бунтари и без всяких переговоров попросту расстреляли Николая II и всю его семью¹¹⁰. Едва ли предвидели декабристы, мечтая о ре-

---

¹⁰⁹ Там же. С.9.

¹¹⁰ Убийство произошло 17 июля 1918 г., санкционированное Президиумом ВЦИК большевиков. *Расстрел российского императора Николая II и членов его семьи*. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ria.ru/history_spravki/20130717/948958103.html (Дата обращения: 7.15.2016).

волюции, что она будет направлена против них же, но когда она наконец грянула в октябре 1917-го, началось тотальное истребление российского дворянства. За всё приходит расплата.

Княгине Е.П.Тархановой

Февральская революция, как пишет Антокольский, *вломилась* к ним – ворвалась, круша всё на своём пути: и её *опущенный штык* – знак готовности к бою, и полки движутся под *вой музыки*. Вой, плач бывают слышны не на празднествах, а на похоронах. Антокольский написал своё стихотворение весной 1917 года, когда последствия Февральской революции ещё были неочевидны. Цветаева же услышала его поздней осенью 1917-го, провожая мужа в Добровольческую армию. Она, конечно, почувствовала в стихотворении настояренные нотки – они были ей созвучны.

Представители того сословия, к которому принадлежала Цветаева, – русские либеральные дворяне, были обеспокоены судьбой России. Несмотря на произошедший в стране губительный раскол, российские интеллигенты старались сохранить наиболее ценные культурные завоевания. Об этом находим у Горького, у Бунина¹¹¹. Отголосок тех настроений слышен и у Антокольского: он проявляется в парадоксальности его стиха – одновременно реалистичного и фантастич-

---

¹¹¹ Горький М. Несвоевременные мысли: Заметки о революции и культуре / Вст. ст., публ., подгот. текста и коммент. И.Вайнберга // М.: Советский писатель, 1990. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/98/1/1221585.pdf>; И.А.Бунин. Окаянные дни. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bunin.niv.ru/bunin/bio/okayannye-dni-1.htm> (Дата обращения к обоим ресурсам: 6.16.2016).

ного.

Ни одну строку стихотворения, ни одно четверостишие нельзя понимать буквально. Не врывалась русская революция в плаще Жиронды. Призраки не водят полки в бой. Не мог встретиться самодержец Великий с героем поэмы Пушкина, написанной сто лет спустя. Но Антокольский легко перемещает своих героев в пространстве и времени, из вымысла в реальность и обратно. Персонажи, события и просто слова под его пером превращаются в символы, благодаря которым он легко связует разные эпохи: петровскую, пушкинскую, свою, – и создаёт стих выразительный и ёмкий.

Заметим, что в своей склонности к фантастике Антокольский не был одинок. Уже опубликован «Петербург» Андрея Белого¹¹², вскоре будет написана А. Блоком поэма «Двенадцать»¹¹³. Антокольский «шел в ногу» с литературными исканиями своего времени, что тотчас же оценила Марина

---

¹¹² Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев, 1880–1934) – писатель, теоретик и историк литературы. «Петербург» – роман о революции, написанный им по впечатлениям от русской революции 1905 г. По сложившейся традиции этот роман называют «наивысшим достижением символистской прозы»: хотя и «вычурным, но крупнейшим художественным произведением, отражающим смятение умов определенных кругов общества накануне революции». *Андрей Белый*. Петербург. М.: «Художественная литература», 1978. С.15-16.

¹¹³ Александр Александрович Блок (1880–1921) – поэт, писатель, переводчик; самый яркий представитель русского символизма. Поэма «Двенадцать» написана под впечатлением произошедшей Октябрьской революции и очень необычна для его творчества – ироничная, гротескная, балаганно-частушечная. А.А. Блок был любимым поэтом Павла Антокольского и оказал большое влияние на формирование его поэтического стиля.

Цветаева. В своих воспоминаниях она пишет:

«Пропал <Антокольский> у меня, в Борисоглебском переулке, на долгий срок. Сидел дни, сидел утра, сидел ночи... Как образец такого сидения приведу только один диалог.

Я, робко:

– Павлик, как Вы думаете – можно назвать то, что мы сейчас делаем – мыслью?

Павлик, еще более робко:

– Это называется – сидеть в облаках и править миром»¹¹⁴.

Что удивляет в совсем ещё юном человеке, к тому же темпераментном и даже импульсивном, так это его беспристрастность в описании исторических событий. Ему одинаково понятны обе стороны социального конфликта. Он любит всеми своими персонажами: и Петром Первым, и декабристами, и «Медным всадником», и Евгением, несмотря на их непримиримую вражду. Он – объективный летописец русской истории. Это была позиция, выработанная им под влиянием родных.

Антокольские образовывали большой, разветвлённый клан, с крепкими родственными связями, чему способствовал переезд многих членов семейства из Литвы в Россию¹¹⁵,

---

¹¹⁴ Цветаева Марина. Повесть о Сонечке. С.с. 372-373.

¹¹⁵ Речь идёт о поколении родителей П.Г. Антокольского и их детей. Что касается семьи «дедов» – братьев Марка Матвеевича и Павла Матвеевича Антокольских, – то их семья отнюдь не была дружной. Это была семья шинкаря (содержателя трактира для простонародья) – человека грубого, жестокого: он избивал своих многочисленных сыновей, а те – друг друга; он преследовал рано проявив-

и уже сложившимися художественными традициями, заложенными их предком и кумиром – великим скульптором Марком Матвеевичем Антокольским. Это был один из самых талантливых летописцев русской истории XIX века, воплотивших её в мраморе и бронзе. После Мастера остались скульптурные шедевры¹¹⁶ и несколько прекрасных учеников, среди которых – и его племянница скульптор Елена Павловна.

Родители Павлика сделали для него всё, что могли – обеспечили ему учёбу в одной из лучших московских гимназий¹¹⁷. Но гимназия осталась позади – предстоял выбор жиз-

---

шуюся страсть младшего сына Марка к рисованию. Дружеские отношения между братьями М.М. и П.М. Антокольскими – скорее, исключение.

¹¹⁶ За тридцать восемь лет непрерывной работы М.М. Антокольским было создано более пятидесяти произведений монументальной и станковой скульптуры. Среди них горельеф «Нападение инквизиции на евреев в Испании во время празднования ими Пасхи» (1867); памятники и статуи «Иван Грозный» (1871), «Петр Первый» (1872), «Христос перед судом народа» (1874), «Пушкин» (1875), «Смерть Сократа» (1877), «Мефистофель» (1883), «Нестор-летописец» (1889), «Ярослав Мудрый» (1889), «Ермак» (1891), «Александр II» и «Александр III» (1899); бюсты В.В. Стасова (1872), С.П.Боткина (1873), И.С.Тургенева (1880), императрицы Марии Федоровны (1887), Николая II (1896). Работа над каждым произведением велась по году и более; указаны даты завершения работ.

¹¹⁷ Гимназия Е.А. Кирпичниковой располагалась на ул. Знаменка в центре Москвы вблизи Арбатской площади. Она славилась своим либерализмом и отличным гуманитарным образованием: очень хорошо было поставлено обучение литературе, истории, родному и иностранным языкам; организованный в гимназии театр считался едва ли не лучшим ученическим театром Москвы. Законченного высшего образования у П.Г. Антокольского не было. Но базовые знания, полученные им в гимназии (при постоянном, конечно, самообразовании), впо-

ненного пути. Яркая и разносторонняя одарённость подростка требовала участия человека более осведомлённого и лучше освоившегося в российской жизни. Наставником Павлику стала его тётя, сестра матери, Елена Павловна – в замужестве княгиня Тарханова¹¹⁸.

следствии снискали ему репутацию эрудита в кругу советских писателей. Называя его «книжным поэтом», критики имеют в виду его обширные знания.

¹¹⁸ Елена Павловна Тарханова-Антокольская (начало 1860-х – начало 1930-х) в юности под влиянием дяди М.М. Антокольского увлеклась скульптурой и с годами достигла в ваянии немалых успехов. Занималась также в мастерской И.Я. Гинцбурга (1859–1939), друга и ученика М.М. Антокольского. Титул княгини получила выйдя замуж за известного физиолога князя Ивана Рамазовича Тарханова (фамилия при рождении Тархан-Моурави, 1846–1908). Наиболее значительной работой Е.П.Тархановой-Антокольской является архитектурно-скульптурное надгробие из гранита и бронзы на могиле мужа И.П.Тарханова в Некрополе Мастеров искусств Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lavraspb.ru/nekropol/view/item/id/225/catid/3> (Дата обращения: 6.16.2016).Е.П.Тарханова-Антокольская имела и другую специальность – врача-дантиста. В своих неопубликованных воспоминаниях Марк Львович Антокольский, её племянник, пишет: «... диплом дантиста она получила в 1884 году, так что родилась она в начале 1860-х и год её рождения, показанный во вступительной статье к письмам к ней Репина – 1868 – неверен <...> . Она стала очень крупным специалистом. В царском Петербурге она имела большую практику в высших кругах и среди знаменитостей: Репин тоже сначала попал к ней в качестве пациента. Настроена она была довольно монархически. <...> Летом 1934 г. она умерла скоропостижно, работая до последнего дня и часа. Смерть избавила её от неминуемых неприятностей: Жданов, по всей вероятности, выслал бы её из Ленинграда. Её место в истории русского искусства связано с её живым участием в принципиальных спорах: сначала между Стасовым и Репиным, потом между реалистами и мирискусниками, спорах, которые чем дальше уходят в прошлое, тем яснее становится, что в них обе стороны были и правы и неправы».Е.П. Тарханова-Антокольская оставила память о себе не только среди своих родных. Письма к ней М.М. Антокольского и И.Е.

Князь И.Р.Тарханов и Елена Павловна принадлежали к самому передовому кругу Санкт-Петербургского общества. Среди близких им людей – выдающиеся учёные, композиторы, художники. Сохранилась фотография¹¹⁹, где Тархановы в кругу гостей И.Е. Репина¹²⁰ в его имении «Пенаты»: с В.В. Стасовым¹²¹, М. Горьким и Л. Андреевым. Большая дружба с И.Е. Репиным осталась Елене Павловне в наследство от Марка Матвеевича, учившегося вместе с Репиным в Санкт-

---

Репина опубликованы и свидетельствуют о почтении и интересе к её мнению и творчеству у обоих – оба Мастера дорожили её дружбой. Их переписка с ней – важный документ для русской истории искусств. Остается надеяться, что письма к ней других замечательных людей её времени – она была близка со многими из них – хранятся где-то в архивах Санкт-Петербурга, не пропали.

¹¹⁹ Фото Карла Карловича Буллы (1855–1929), выдающегося фотографа, которого сегодня справедливо называют родоначальником отечественного фоторепортажа.

¹²⁰ Илья Ефимович Репин (1844–1930) – выдающийся русский художник-живописец и педагог, с именем которого связаны высшие достижения русской и европейской реалистической живописи XIX века. Создатель обширной портретной галереи деятелей русской культуры XIX-XX веков, в которой хранятся выполненные им портреты М.М. Антокольского (1866), И.Р. Тарханова (1892, 1905), Е.П. Тархановой-Антокольской (1893).

¹²¹ Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) – историк искусств, критик, архивист, общественный деятель и идеолог новых направлений в изобразительном искусстве и музыке. С 1900 года почетный член Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук. Был дружен с М.М.Антокольским и много сделал для увековечения его памяти. Под его редакцией вышла книга, которая по сей день является самым достоверным и полным источником информации о жизни и творчестве великого скульптора. *Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи.* СПб.–М., 1905.

Петербургской Академии Художеств¹²². Опубликованная в 1937 году переписка Репина с Тархановыми – один из образцов русского эпистолярного жанра конца XIX – XX веков¹²³.

---

¹²² Репин И.Е.. Стасов, Антокольский, Семирадский // Далёкое и близкое. Автобиография. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ilyarepin.ru/pensioneri/> (Дата обращения: 20.8.2016).

¹²³ Репин И. Е.. Письма к Е.П. Тархановой-Антокольской и И.Р. Тарханову. М.-Л.: «Искусство», 1937.

Портрет скульптора Е.П. Тархановой-Антокольской. Работа И.Е.Репина. 1893 г. Картон, пастель. 85 х 67. Хранится в Государственном Русском музее, Санкт-Петербург

Вот под чьим влиянием формировались художественные взгляды, вкус и мировоззрение юноши Антокольского. Мнение Елены Павловны очень много значило для него. Она как маяк, с которым он соотносил свой путь в самые, пожалуй, важные годы – годы своего становления как личности. Образ Елены Павловны Тархановой и её отношение к русской политической трагедии незримо присутствуют и в его стихотворении.

Удивительно, как Антокольский не побоялся посвятить своё стихотворение княгине – в самый исторически неподходящий момент! Это был смелый поступок. Это был вызов времени. Его и услышала Марина Цветаева в ту позднюю осень 1917 года в тёмном вагоне поезда, мчавшегося в Крым. Потому и пришла знакомиться к своему младшему собрату Павлику Антокольскому.

Примечание

Работа впервые представлена на XIX Международной научно-тематической конференции в Доме-музее Марины Цветаевой в 2016 году; позже опубликована в сборнике докладов конференции.

Цитировать: *Тоом А.И., Тоом А.Л.* Так о Ком мечтали деды? – К истории знакомства Павла Антокольского и Марины Цветаевой // ... XIX Международная научно-тематическая конференция, 8-10 октября 2016. М.: Дом-музей Марины Цветаевой. 2018.

О русской артистической молодежи начала XX века и ошибках современных литературоведов

Не так давно, сначала в англоязычном Интернете, а затем и в иностранных книгах по русской литературе, я нашёл крайне удивившие меня утверждения о гомосексуальной связи двух видных деятелей русской культуры XX века: поэта Павла Григорьевича Антокольского (1896–1978) и режиссера Юрия Александровича Завадского (1894–1977). Я мог бы и поверить этим утверждениям на слово, тем более что авторы их считаются хорошо известными в профессиональной литературной среде, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что Павел Антокольский приходится мне дедом. Я тесно общался с ним более тридцати лет, после его смерти написал о нем воспоминания¹²⁴, содержащие подробное описание его жизни, характера, привычек (в России эти воспоминания получили широкую известность), – и с полной уверенностью заявляю, что сведения эти, мягко говоря,

---

¹²⁴ Андрей Тоом. Мой дед Павел Антокольский. “Литературное обозрение”, Москва, 1986, выпуск 1, с. 103- 109; *Воспоминания о Павле Антокольском*. Москва, “Советский писатель”. 1987, с. 493-518; *Павел Антокольский*. Дневник. 1964–1968”. СПб., “Пушкинский фонд”. 2002, с.143-166.

неверны. Дед был большой любитель женщин, о чём хорошо известно благодаря присущей ему общительности и демонстративности поведения. Что же касается Юрия Александровича Завадского, не имея чести быть с ним лично знакомым, знаю, что и он смолоду имел необычайный успех у прекрасного пола и подчас злоупотреблял этим, о чём я слышал от деда, читал в его воспоминаниях, а также – у Марины Ивановны Цветаевой, с которой Антокольский и Завадский дружили в молодости. Острая на язык Фаина Георгиевна Раневская, знаменитая актриса театра, которым Юрий Александрович руководил, как-то назвала его «перпетуум кобеле», имея в виду, конечно же, его бесконечные связи с женщинами, даже и в преклонном возрасте. Таким он остался в воспоминаниях современников.¹²⁵

В огромном коллективе театра, успешно возглавляемом Завадским, работали актёры разных сексуальных ориентаций – Юрий Александрович слыл руководителем-либералом, но сам он всю жизнь был верен одной ориентации – донжуановской.

Откуда же взялся этот вымысел? Зачем и кому понадобилось беспардонно лезть в частную жизнь двух знаменитых людей, ныне уже покойных, распространяя о них ложные слухи? Думаю, что я нашёл источник. Это – книга «Марина

---

¹²⁵ *Дмитрий Щеглов*. Юрий Завадский: Дар очаровывать и пленять. Ежемесячник “Совершенно секретно”. 62001, № 10. См.: <http://sovsekretno.ru/magazines/article/711>

Цветаева: женщина, её мир и её поэзия», написанная признанным в США специалистом по русской литературе Саймоном Карлинским.¹²⁶ Книга эта была издана уважаемым издательством Cambridge University Press в 1985 году и дважды переиздана.

Сам тот факт, что зарубежные филологи обращаются к богатой своим духовным традициям и талантам русской литературе, вызывает одобрение. Интерес западных славистов к Марине Ивановне Цветаевой, чьё имя и творчество в СССР были под запретом почти сорок лет, можно только приветствовать. Но мы вправе ожидать, что к анализу произведений русской литературы зарубежные исследователи подойдут со знанием русской культуры, её национальных традиций, а также – конкретной эпохи и условий жизни, в которых эти произведения создавались. Опыт показывает, однако, что это происходит не всегда.

Вот что написал Саймон Карлинский в вышеупомянутой книге: «Многосторонние взаимоотношения, обрисованные в мемуарах и в стихах, намного превосходили по сложности те, что были в 1909-10 годах, и это было отражено в “Вечернем альбоме”. Начнём с того, что хотя Антокольский и Завадский впоследствии женились, в то время, когда Цветаева их встретила, они были в разгаре любовной связи друг с другом. Она была очарована их любовью и решила не мешать

---

¹²⁶ *Simon Karlinsky. Marina Tsvetaeva: The Woman, Her World and Her Poetry.* Cambridge University Press, 1985, 1987, 1988, pp. 84-85.

ей». (Пер. с англ. выполнен мной. – А. Т.). Далее Карлинский приводит в сокращённом виде то стихотворение Марины Цветаевой, на основе которого он и делает свои далеко идущие выводы. Вот как выглядит это стихотворение без сокращений¹²⁷ :

Спят, не разнимая рук –
С братом – брат,
С другом – друг.
Вместе, на одной постели.
Вместе пили, вместе пели...
Я укутала их в плед,
Полюбила их навеки.
Я сквозь сомкнутые веки
Странные читаю вести:

Радуга: двойная слава,
Зарево: двойная смерть.

Этих рук не разведу. Лучше буду,
Лучше буду
Полымем пылать в аду!

Это стихотворение, первое в цикле «Братья», написанном

---

¹²⁷ *Марина Цветаева. Братья. Собрание сочинений в семи томах. Том 1. Москва, “Эллис Лак”. 1994, с. 383-385.*

Мариной Цветаевой об Антокольском и Завадском в январе 1918 года, – единственный аргумент Карлинского в пользу их гомосексуальной связи. Что меня больше всего поражает, это не просто ошибка Карлинского; в конце концов, ошибиться может каждый. Меня поражает контраст между одухотворённостью стихотворения Цветаевой и примитивностью толкования этого стихотворения Карлинским. У Цветаевой речь идёт о творческой встрече трех талантов, а Карлинского интересует взаимодействие полов! Фиаско его бескрылой интерпретации становится ещё очевиднее при дальнейшем чтении. Привожу второе стихотворение того же цикла с сокращениями:

Два ангела, два белых брата,
На белых вспененных конях!
Горят серебряные латы
На всех моих грядущих днях.
И оттого, что вы крылаты –
Я с жадностью целую прах.

Два всадника! Две белых славы!
В безумном цирковом кругу
Я вас узнала. – Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в трубу.
Ты – над Московскою Державой
Вздымаешь радугу-дугу.

Несомненно, что Цветаева восхищается творческими, а не сексуальными достоинствами и успехами своих друзей. А вот начало и конец третьего и последнего стихотворения цикла:

Глотаю соленые слезы.

.....

Умчались архангелы в небо,
Уехали братья в Париж!

Приведённые отрывки повествуют сначала о дружбе «братьев» с Цветаевой и её тревоге за их судьбу; об их бурном творческом взлёте и, наконец, их уходе. Нельзя не заметить в стихах чувства горечи: после успеха «братьев», которому Цветаева так радовалась и который она (небезосновательно) приписывала отчасти своему влиянию, они покинули её. Так и было в действительности: после многих часов, проведённых в обществе Марины и очень продуктивных для них, начинающие поэт и режиссёр внезапно увлеклись своими первыми самостоятельными постановками в студии Вахтангова, ещё больше сдружились на этой почве и стали редко у неё бывать.

Впоследствии Антокольский не раз жалел об этом. Вот что он написал много лет спустя в своем дневнике (запись от 27 марта 1965 года): «Когда я вспоминаю об этом – таком

давнем и безвозвратно ушедшем прошлом, – т. е. о самой ранней моей поре, – то схожу с ума от того, что так мало ценил Марину и в сущности так и не заметил, упустил из виду, что ведь она-то и есть воплощение жизни для меня, – Гений, – сама Поэзия, само Искусство – и все это с таких заглавных букв, что дай Боже! Так нет же! Меня крепко держала Мансуровская студия, её маленький душный мир, её беды и дразги, её бессонные ночи и бездельнические дни. И всё это казалось мне – ИСКУССТВОМ. А на самом деле не было им! Ни в какой степени».¹²⁸

Это, конечно, преувеличение. Антокольский высоко ценил и студию в Мансуровском переулке, и её руководителя Евгения Багратионовича Вахтангова, сыгравших в его жизни огромную роль. Но есть и доля правды. Как раз в то время и он, и Завадский, и некоторые другие студийцы стремились к самостоятельности, хотели вырваться из-под опеки своего руководителя, что в следующем, 1919 году привело к расколу студии. Понятно, что в той ситуации им было не до Цветаевой.

А Цветаева в это время страдала от одиночества и страдание своё выражала в стихах. Стихам же её свойственна метафоричность, толковать их буквально, как это делает Карлинский, недопустимо. Если следовать его «научному методу» и интерпретировать вторую часть цикла так же буквально

---

¹²⁸ П. Антокольский. Дневник. 1964–1968. СПб., “Пушкинский фонд”. 2002, с. 37.

но, как он толкует первую, то придётся заключить, что в январе 1918 года Антокольский с Завадским зачем-то гарцевали по Москве на белых конях, оба в серебряных латах и с крыльями, причём Антокольский-поэт «вопил» в трубу, а Завадский-художник «вздымал» радугу, и всё это на глазах у изумлённой публики. В действительности два брата – два ангела, два всадника – красочная фантазия Цветаевой. И Париж, в который они якобы уехали, – всего лишь метафора: не были они в те годы в Париже. И «спят, не разнимая рук» – тоже поэтический образ, как всегда у неё гиперболизированный, долженствующий выразить их дружбу и творческое сотрудничество.

Что же было в действительности? Послереволюционная Москва. На улицах беспокойно: стреляют, грабят. Трамваи не ходят даже днём, уж тем более ночью. Антокольский и Завадский, как, впрочем, и другая театральная молодёжь, засидевшись в гостях у Марины Ивановны, оставались в её доме на ночь. Вот и в тот январский день молодые и легкомысленные друзья, увлекшись разговором за полночь, уснули на одной кровати, а Цветаева заботливо, по-матерински, накрыла спящих пледом. Ни другой кровати, ни другого одеяла в её доме, скорее всего, и не было – Марина отчаянно бедствовала в те годы, жила нищенски, что известно. Вот и всё. Из-за чего было «огород городить»?

Между тем, «открытие» Карлинского уже пропагандируется и в русском Интернете. В одной из его статей, пере-

ведённой на русский язык, говорится: «Согласно мемуарам Марины Цветаевой, поэт Павел Антокольский и актёр и режиссёр Юрий Завадский имели любовную связь в 1918 г. и не делали никакого секрета из своих отношений». ¹²⁹ Поскольку какой-либо конкретной ссылкой на эти «мемуары» Карлинский себя не утруждает, нам остаётся заключить, что слово «мемуары» означает здесь не что иное, как всё то же стихотворение, процитированное выше. Но ведь между стихами и мемуарами (если это действительно мемуары, а не фантазии) есть большая разница, о которой университетский профессор литературы обязан знать. Понимает ли Карлинский различие между «поэзией» и «правдой», говоря словами Гёте? Знаком ли он с природой художественного творчества? И сознаёт ли он, что своей небрежностью, по сути дела, оговорил поэта Цветаеву, приписав ей мысли, которых у неё не было? Укутывая в плед своих спящих юных друзей, Марина Ивановна следовала материнскому инстинкту, женской природной потребности – обогреть, уберечь, – а не «поощряла» гомосексуальные отношения.

Собственно, о том, что Антокольский и Завадский зимой 1918 года спали в одной постели, я хорошо знаю из рассказов родных. Из тех же семейных преданий мне известно, что двумя годами позже – в эпоху так называемого военного коммунизма, а фактически в условиях крайней нищеты

---

¹²⁹ Саймон Карлинский. Гомосексуализм в русской литературе и культуре. Пер. с англ. См.: <http://www.gay.ru/science/history/russia/xx-xxi/karlinsk.html>

и разрухи, Антокольский, бывало, спал в одной постели с тремя женщинами сразу: со своей молодой женой Натальей Николаевной Щегловой (моей бабушкой) и с двумя своими сёстрами – Марией Григорьевной и Надеждой Григорьевной Антокольскими. Жили они бедно: на всех – одна маленькая комната. А четверть века спустя Антокольский, его вторая жена Зоя Константиновна Бажанова и поэтесса Маргарита Иосифовна Алигер в течение нескольких месяцев спали на одном столе – в эвакуации в Казани во время войны, потому что на всех приезжих кроватей не хватило.¹³⁰ Если бы Карлинский знал обо всем этом, представляю, какие бы он понастроил теории об оргиях, кровосмешении, групповом сексе и прочих пикантных подробностях из жизни поэта Павла Антокольского – и был бы так же далёк от истины, как сытая и процветающая Калифорния сегодня от голодной и нищей России после революции или времен Второй мировой войны. Деятельность профессора Карлинского связана с Калифорнийским университетом, а точнее, с его кампусом в Беркли, старейшим из десяти кампусов, знаменитым своими нобелевскими лауреатами (в основном в области точных наук). Там молодой учёный-славист получил свою докторскую степень и там же, уже в статусе почётного профессора (*professor emeritus*), он издал свою книгу о Цветаевой. Надо признать, что условия работы, творческая свобода и огром-

---

¹³⁰ Павел Антокольский. Мои записки. Неопубликованная автобиографическая повесть.

ная библиотека в Беркли такие, что и не снились замордованному советской властью российским ученым. Да и климат в Калифорнии райский. Кстати, климат-то и сыграл с самоуверенным книголюбом злую шутку.

Живя со школьных лет в жаркой Калифорнии, профессор Карлинский либо забыл о холодных зимних ночах Харбина, где провёл детство¹³¹, либо упустил детские воспоминания из виду, когда писал о России. Хотя Карлинский и считает себя русским, он и понятия не имеет о том, что такое русский мороз, а это – важное действующее лицо данной истории. Такого не вычитаешь из книг, надо испытать на собственной шкуре. После Октябрьского переворота, в годы Гражданской войны (1917–1921) москвичи жили в нетопленых домах, а зимы-то в России бывали лютые! Так вот, зимой спали, сбившись вместе, прижавшись друг к другу, – не по сексуальным соображениям, а чтобы не замёрзнуть до смерти. Спали в обнимку голодные, измождённые мужчины и женщины, спасаясь от стужи, согревая друг друга теплом измученных, бесплотных тел. То, как Марина Цветаева поэтизировала нелёгкие обстоятельства тогдашней московской жизни, – дело её фантазии, недостатком которой она никогда не страдала. А в реальности было вот что: Антокольский и Завадский спали вместе, чтобы спастись от российской зимней стужи!

---

¹³¹ Я. Могутин. Кучер русской литературы. Интервью с проф. С. Карлинским. Беркли – Сан-Франциско, 1993. См.: <http://www.mitin.com/people/mogutin/karlik.shtml>

Как же мог признанный учёный, университетский профессор совершить такую грубую ошибку? И почему его никто не поправил? Ведь он, наверное, делал доклады на научных семинарах и среди его слушателей бывали эмигранты и гости из России. Тут уместно вспомнить, что Калифорния славится не только компьютерными технологиями, но и своим либерализмом в отношении сексуальных меньшинств, для изучения которых Калифорнийский Университет в Беркли уже много лет организует симпозиумы и дебаты, объявляет специальные программы и выдаёт гранты. Несколько лет назад калифорнийские законодатели проголосовали за разрешение однополых браков, и только вето губернатора помешало их решению войти в силу. Но в мае нынешнего, 2008 года, Верховный суд Калифорнии постановил, что «сексуальная ориентация, как раса или пол, не составляют законной основы для отказа в гражданских правах», и теперь гомосексуальные браки здесь легализованы. Для живущих в Калифорнии и принимающих местные обычаи за норму жизни в гомосексуализме нет ничего необычного, это одна из форм личной жизни, не хуже и не лучше других и ошибочно приписать гомосексуализм тому или иному деятелю культуры – пустяки, дело житейское. Быть же гомосексуалом в России или в бывшем Советском Союзе вообще по их понятиям – чуть ли не героизм. В сочинениях Карлинского можно даже усмотреть некую симпатию к русским: вот мол, смотрите, они совсем как мы. Так вот, не

совсем.

Положение гомосексуалистов в России и было, и остаётся иным. Насколько мне известно, московским гомосексуалистам ещё ни разу не удалось получить разрешение на проведение гей-парада, хотя во многих странах такие парады уже стали обычными. В Бразилии, где я сейчас работаю, они превращаются в красочные зрелища наподобие карнавала. Их показывают по телевидению, и они воспринимаются всеми как форма развлечения. Московским же геям только в нынешнем, 2008 году (1 июня), удалось провести небольшое шествие и не быть при этом избитыми ни милицией, ни экстремистами, хотя накануне в Интернете и появлялись призывы прийти на праздник «недобитого пидораса» – несомненно, с целью подраться. По-человечески можно понять желание гомосексуалистов защититься от побоев именами знаменитостей. Но не надо же преувеличивать и зачислять в «свои» всех подряд!

Ни научные заслуги Карлинского, ни его симпатия к русским, ни преследования гомосексуализма где бы то ни было – не оправдание для произвольных и необоснованных суждений. Судя по всему, кабинетный учёный писал о России, не зная её по личному опыту – всё у него на основании книг, статей, рукописей, документов и, быть может, чьих-то устных рассказов. Можно ли с уверенностью толковать и комментировать талантливые стихи, полные гипербол и метафор, написанные в зимней нетопленной Москве, никогда там

зимой не побывав? Опыт Карлинского показывает, что нельзя.

В том, что профессор Карлинский мог и не бывать в России, я его не упрекаю. Шли долгие годы холодной войны и железного занавеса между Советским Союзом и США. Путь заокеанскому учёному в Москву был заказан. Его труды не имели шансов понравиться советским чиновникам, ведь он был признанным экспертом по гомосексуализму в России, автором статьи «Россия и СССР» в «Энциклопедии гомосексуальности». ¹³² Немало трудов он посвятил этой щекотливой теме, которую советские идеологи всегда замалчивали. Одна из его книг называется «Сексуальный лабиринт Гоголя», где Карлинский приписывает Николаю Васильевичу Гоголю, так сказать, «подавленный» гомосексуализм.

Поэты Николай Клюев и Сергей Есенин тоже, по мнению Карлинского, были любовниками-гомосексуалами. Какие у Карлинского есть основания для такого утверждения? Пример его аргументации можно найти в его статье «Гомосексуализм в русской литературе и культуре». «Хотя Есенин был трижды женат, – пишет Карлинский, – и его жёнами были три знаменитые женщины (кроме великой балерины Дункан это были известная актриса и внучка Льва Толстого), самую выразительную любовную лирику Есенину удавалось создать только в тех случаях, когда она была адресована другому мужчине».

---

¹³² *Encyclopedia of Homosexuality*. Garland Publishing, 1995.

О подобных «открытиях» Карлинский повествует с той же уверенностью, с какой поведал о связи Антокольского с Западским. Но я-то знаю, что в последнем случае он неправ, и это подрывает моё доверие и к другим текстам Карлинского. На каком основании он судит о выразительности любовной лирики Есенина? – По всей видимости, на основании собственных впечатлений. Но университетский профессор в ранге доктора наук должен предъявлять более убедительные доводы, чем личные впечатления. Кроме личных задокументированных признаний самих «героев» в таких случаях все «свидетельства очевидцев» должны подвергаться сомнению и анализу. Видимо, интерес профессора Карлинского к увлекшей его теме гомосексуализма был настолько велик, что ничего иного в бурных биографиях российских талантов он увидеть просто не смог – всюду искал одно и то же. А если усердно искать и не столь усердно проверять свои находки, то можно найти и то, чего вовсе не было.

Карлинский полагает: если мужчины проводят много времени вместе, то они – любовники. А как быть с такими понятиями, как «неразлучные друзья» или «мужская дружба»? Что ж он, филолог, не читал «Трёх мушкетеров»? И разве он не знает, что поэтам России начала двадцатого века, по преимуществу мужчинам, было свойственно объединяться, создавать кружки? Символисты, акмеисты, имажинисты, футуристы, даже ничевоки – члены каждой из этих групп держались вместе, нередко жили вместе, коммуной, – разве это

свидетельствует о чём-либо, кроме их творческого союза?..

Среди молодёжи, бывавшей в её доме в первые послереволюционные годы, Марина Ивановна выделяла четверых студийцев-вахтанговцев: Сонечку Голлидэй и троих друзей: Павлика Антокольского, Юру Завадского и Володю Алексева. Все четверо стали персонажами её знаменитой «Повести о Сонечке».¹³³ В повесть включены посвящённые им стихи. Вот как начинается поэтическое напутствие Марины Цветаевой моему деду:

Дарю тебе железное кольцо:
Бессонницу – восторг – и безнадежность.
Чтоб не глядел ты девушкам в лицо,
Чтоб позабыл ты даже слово – нежность.

.....

Невозможно вообразить эти строки обращенными к гомосексуалисту.

В отношении Антокольского и Завадского Карлинский, конечно, неправ, но он хотя бы иногда старается найти какие-то, пусть и ошибочные, аргументы. Другие же «исследователи», интересующиеся жизнью и творчеством моего деда и друзей его театральной молодости, уж совсем непрофесси-

---

¹³³ *Марина Цветаева. Повесть о Сонечке. Собрание сочинений в семи томах. Том 4. "Воспоминания о современниках. Дневниковая проза". Москва, "Эллис Лак". 1994, с. 353-354.*

ональны. Они повторяют ложное утверждение Карлинского, не считая даже нужным его проверить.

Скажем, Ирина Жеребкина, исходя из сообщений в Интернете, фигура влиятельная. Она и директор Харьковского центра гендерных исследований, и директор Института международных летних школ по гендерным исследованиям, и главный редактор журнала «Гендерные исследования», и заведующая лабораторией гендерных исследований Харьковского национального университета, и пр., и пр. При таком статусе естественно ожидать глубины суждений, но увы! Ее книга «Страсть: женское тело и женская сексуальность в России»¹³⁴ стала предметом откровенных насмешек (см. статьи Чепурной¹³⁵ и Ремизовой¹³⁶). В одноимённой статье, помещённой в Интернете, Жеребкина пишет: «Внешне Завадский напоминал ангела и в то же время находился во внеангелической гомосексуальной связи с Павлом Антокольским, по утверждению Симона Карлинского».¹³⁷ Оборот «по утверждению» подал было надежду на критическое отноше-

---

¹³⁴ *И. Жеребкина*. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. СПб., «Алетейя», 2001.

¹³⁵ *Ольга Чепурная*. Ирина Жеребкина: страсть. Журнал «Новая Русская Книга», 2002, № 2 (13)

¹³⁶ *Мария Ремизова*. Вагинетика, или Женские стратегии в получении грантов. Журнал «Новый мир», 2002, № 4.

¹³⁷ *И. Жеребкина*. Страсть: женское тело и женская сексуальность в России. Журнал «Гендерные исследования». ХЦГИ, Харьков, 1998, №1, с. 155-209. См.: <http://www.a-z.ru/women/texts/zhereb1r-2.htm>

ние к источнику, но не тут-то было. С места в карьер Жеребкина, полная доверия к заморскому профессору, продолжает: «И Марина, и Сонечка Голлидэй были влюблены в Завадского: именно потому, что он, вовлечённый в гомосексуальные отношения с Антокольским, не мог ответить любовью на женскую любовь, обе женщины любили его». Это заявление и пародировать не надо: оно уже пародия – на себя же! Но что особенно постыдно: Жеребкина, знающая по личному опыту, как трудна была жизнь при советской власти, черпает свои суждения у человека, который о России знает только понаслышке, и за строчками цветаевских стихов реального фона не видит, потому что большую часть своей жизни провёл и сложился как исследователь в совершенно иной культуре.

Над Жеребкиной посмеиваются и правильно делают, но она по академической традиции хотя бы даёт точную ссылку на книгу и номера тех страниц, откуда пришло к ней знание сие. Другие же просто списывают у Карлинского, не ссылаясь на него. Элейн Файнштейн пишет в книге «Лев в неволе: жизнь Марины Цветаевой»¹³⁸ об участниках Вахтанговской студии: «Многие из них были равно влюблены друг в друга, а Антокольский имел особенно интенсивную гомосексуальную привязанность» (пер. с англ. мой. – А. Т.); вслед за ней Лили Файлер пишет в своей книге «Марина Цветаева: двой-

---

¹³⁸ Elaine Feinstein. *A Captive Lion: The Life of Marina Tsvetaeva*. Hutchinson, 1987, 84.

ное биение неба и ада»¹³⁹: «Антокольский познакомил Цветаеву со своим лучшим другом Юрой Завадским, актёром и режиссёром той же самой авангардной студии. Они были любовниками в то время...» (пер. с англ. мой. – А. Т.). И – никаких ссылок.

Тем временем, списывание продолжается, и нелепица расползается по планете. Уже на сайте итальянской Радикальной партии в статье без автора и, конечно же, без ссылок¹⁴⁰ перечисляются на равных как «выдающиеся русские гомосексуалы»: Сергей Есенин, Николай Клюев, Михаил Кузмин, Софья Парнок, Юрий Завадский, Павел Антокольский. Комментировать правомерность включения в список всех этих имен я не стану – существуют на этот счёт более компетентные мнения¹⁴¹, ну а о Завадском с Антокольским сказал уже достаточно.

В поисках статей о моём деде, его друге и их якобы гомосексуальных отношениях мне удалось найти и тактичные, здравые голоса. Валерий Шубинский¹⁴² критикует абсурд-

---

¹³⁹ Lily Feiler. Marina Tsvetaeva: The Double Beat of Heaven and Hell. Duke University Press, 1994, p. 88.

¹⁴⁰ *Forse la memoria...* www.radicali.it/search_view.php?id=168915&lang=IT&cms=43

¹⁴¹ Игорь Кон. Любовь небесного цвета. Голубые тени Серебряного века. См.: <http://www.nedug.ru/lib/lit/sex/01oct/sex65/color11.htm>

¹⁴² Валерий Шубинский. Битва мифов. (Обзор книг о Н. Клюеве и С. Есенине). “НЛО”, 2008, № 89. См.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/89/sh24.html>

ный метод работы Карлинского, Ирма Кудрова¹⁴³ иронизирует над досужими домыслами сегодняшних «исследователь» о сексуальной жизни знаменитых людей, в частности о сплетнях об Антокольском и Завадском.

Ну а как бы отнеслись ко всей этой истории главные её герои? Юрий Александрович, быть может, только снисходительно усмехнулся бы. Что же касается Павла Антокольского, то, хорошо зная своего деда, я убеждён: он, человек вспыльчивый, пришёл бы в ярость, узнав о дикой небылице, гуляющей по мировому Интернету с лёгкой руки безответственного профессора из Калифорнии.

В России, да и в других странах, необычные сексуальные ориентации долгое время преследовались и замалчивались. Сегодня у нас появилась возможность говорить об этом, изучать, писать. Но надо же считаться с реальностью! Не объявлять гомосексуалистами тех, кто ими заведомо не был. А проецировать черты и проблемы современного западного общества с его либерализмом и сексуальной свободой, а также свои личные предпочтения на другую эпоху и культуру, да ещё под видом научных изысканий, уж совсем неприлично. Доверие к «открытиям» Карлинского отчасти обусловлено высокой репутацией университета Беркли, а эта высокая репутация создана учёными-естественниками. Но долго ли продержится слава Беркли, если тамошние учёные,

---

¹⁴³ *Ирма Кудрова*. Поговорим о странностях любви: Марина Цветаева. <http://elles.wallst.ru/person/?id=8>

взяв пример с Карлинского, начнут публиковать «научные результаты», верные с точностью до наоборот?

Впрочем, если уж ошибка совершена, дело чести учёного её признать и исправить. В этой связи расскажу о себе. В 2004 году я опубликовал статью в научном журнале, а три года спустя один из лучших моих аспирантов, изучая эту статью, обнаружил ошибку, не замеченную ни мной, ни рецензентами, ни коллегами-читателями. Мы тут же отправили письмо редактору журнала с указанием на эту ошибку и всеми необходимыми объяснениями. Письмо было напечатано.¹⁴⁴ Вот как исправляют ошибки у нас, в математике. А как это делается в литературоведении? И делается ли вообще?

---

¹⁴⁴ *Alex D. Ramos, Andre Toom*. An error correction. Letter to the editor. “Journal of Statistical Physics”. Vol. 131, 200, P.p. 167-168.

Примечание

Работа впервые была опубликована в 2008 году в «Новом журнале», № 252. Нью-Йорк.

Цитировать: *Тоом, А.Л.* О русской артистической молодёжи начала XX века и ошибках современных литературоведов. № 252. [Электронный ресурс.] <https://magazines.gorky.media/nj/2008/252>. (Дата обращения: 29 июня 2022 г.)

Павел Антокольский и Серебряный век русской поэзии

Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) немногим моложе младшего поколения поэтов Серебряного века. Но всё же историки литературы его творчество к Серебряному веку не относят. И тому есть основания.

Писать стихи Антокольский начал еще в гимназии¹⁴⁵, рано стал их публиковать¹⁴⁶, но своё место в поэзии, свои темы и стиль он нашёл довольно поздно. В полный голос он заявил о себе как поэт лишь к началу 30-х годов – публикацией поэм «Робеспьер и Горгона»¹⁴⁷ и «Франсуа Вийон»¹⁴⁸.

---

¹⁴⁵ П.Г. Антокольский учился в гимназии Е.А. Кирпичниковой на ул. Знаменка, 12, вблизи Арбатской площади в центре Москвы. Гимназия славилась своим либерализмом и гуманитарным образованием. Именно в гимназические годы берут своё начало оба профессиональных увлечения П.Г. Антокольского – литературой, в том числе литературным переводом, и театром.

¹⁴⁶ Первое стихотворение Антокольского вышло в тоненьком журнале, выпущенном издательством «Сороконожка» в 1918 году. Журнал хранится в фондах Российской национальной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге.

¹⁴⁷ «Робеспьер и Горгона» – драматическая поэма П. Антокольского о Максимилиане Робеспьере (1758–1794), известном деятеле Французской революции (1928); поэма посвящена Зое Бажановой.

¹⁴⁸ «Франсуа Вийон» – романтическая поэма П. Антокольского о средневековом французском поэте Франсуа Вийоне (1431 или 1432 – ?) (1933); поэма посвящена памяти Е.Б. Вахтангова.

Более того, всю свою молодость Антокольский «раздваивался» между поэзией и театром. День проводил в студии Е.Б. Вахтангова: играл в спектаклях, ставил их, писал для студийцев пьесы, а вечер – в Кафе Поэтов на Тверской. У многих критиков того времени, да и позже – тоже, это вызывало недоумение: кто же он – актёр или поэт? Много лет Антокольский и сам не мог ответить на вопрос «где его место» – в театре или в литературе.

Тем временем Серебряный век русской поэзии уже пришёл к закату¹⁴⁹.

Павел Антокольский не был поэтом Серебряного века, но его учителя – самые яркие в российской литературе представители данного направления.

Это, прежде всего, Александр Блок. Знаком с Блоком Павел Григорьевич не был, хотя состоялась между ними одна очень памятная встреча. Шла Первая мировая война. Художественная интеллигенция Петрограда организовала вечер поэзии в Тенишевском училище – собирали средства в помощь раненым солдатам. Антокольский, гостивший у родных¹⁵⁰ в Петрограде, тоже пришёл на тот вечер. Он слушал

---

¹⁴⁹ Литературное направление, оставаясь историческим феноменом, фактически иссякает с уходом последних своих представителей.

¹⁵⁰ В Петрограде Павлик Антокольский гостил у сестёр матери – Цецилии Павловны и Елены Павловны Антокольских. Е.П. Антокольская (начало 1860-х – начало 1930-х), в замужестве княгиня Тарханова, скульптор и художница, ученица М.М. Антокольского (1843–1902) и И.Е.Репина (1844–1930), была одним

с большим интересом выступавших корифеев: Городецкого, Мандельштама... Но потряс его Блок. Как он сам вспоминал впоследствии, после Блока на том вечере он уже никого слушать не мог.

Выступив, Блок вышел на улицу, Антокольский – за ним. Блок шёл по набережной Фонтанки «в чёрной фетровой шляпе, лёгкий, изящный, беспечный, стучал палкой по тротуару. В зубах у него дымилась папироса. Он кинул её за парапет, в воду, закурил другую». ¹⁵¹ А вслед, несколько поодаль, шёл его молодой поклонник – очарованный, потрясённый, но так и не решившийся заговорить со своим кумиром.

Потом-то он упрекал себя, что не воспользовался случаем познакомиться с Блоком. Но такой уж он был застенчивый юноша, а почтение к великому поэту только усугубляло его нерешительность.

Мои первые стихи – сплошное подражание Блоку, – говорил Антокольский шутя много лет спустя и добавлял уже серьёзно, что поэзия Блока помогла ему «понять значение метафоры, как некой волшебной силы, преобразующей мир».

Другим поэтом Серебряного века, оказавшим огромное влияние на жизнь и поэзию Павла Антокольского, была Марина Цветаева. Их встреча произошла поздней осенью 1917

из организаторов вечера в Тенишевском училище.

¹⁵¹ Павел Антокольский. Далеко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С.294. Сост. и комментарии А.Л.Тоома и А.И.Тоом.

года, когда «заставы ещё погромыхивали» – по России шли революционные бои. Ей предшествовала встреча заочная. Провожая мужа¹⁵² в Крым, в Добровольческую армию, Цветаева в ночном вагоне слышала стихи. Их читал Сергей Гольцев, однополчанин С.Я.Эфрона, а в недавнем прошлом актёр театральной студии Е. Вахтангова.¹⁵³

Так вот Она, о Ком мечтали деды
И шумно спорили за коньяком.
В плаще Жиронды, сквозь снега и беды,
К нам ворвалась с опущенным штыком...¹⁵⁴

---

¹⁵² Сергей Яковлевич Эфрон (1893–1941) – философ, публицист, литератор, актер; муж М.И.Цветаевой. В 1917 г. прошел курс обучения в 1-й Петергофской школе прапорщиков для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Участвовал в Гражданской войне 1918–1920 г.г. на стороне Белой армии, после чего восемнадцать лет провел в эмиграции. Был завербован НКВД и принимал участие в работе советских секретных служб во Франции и Испании. В 1937 году вернулся в СССР. Арестован в октябре 1939 г., расстрелян 16 октября 1941 г.

¹⁵³ Сергей Иванович Гольцев (1896–1918) – актёр театральной студии, которой руководил Е.Б. Вахтангов. В 1916 г. мобилизован на военную службу. В 1917 г. прошёл курс обучения в 1-й Петергофской школе прапорщиков для ускоренной подготовки офицеров пехоты. Участник октябрьских боёв в Москве. Вместе с другом и однополчанином С.Я. Эфроном после Октябрьского переворота в ноябре 1917 г. ушёл в Добровольческую армию. Погиб во время 1-го Кубанского (Ледяного) похода. *Сергей Эфрон. Записки добровольца. М: Возвращение, 1998. С. 71, 220.*

¹⁵⁴ Существует по меньшей мере два варианта этого знакового стихотворения, послужившего поводом для знакомства М.И. Цветаевой и П.Г. Антокольского. В этой и других статьях авторов стихотворение цитируется в соответствии с автографом, находящимся в рукописной тетради П.Г. Антокольского «Стихи

Стихи принадлежали его товарищу-студийцу Павлику Антокольскому. Стихи потрясли Цветаеву, и, едва вернувшись в Москву, она разыскала Павлика.¹⁵⁵

В нём, ещё совсем мальчишке, она угадала большого поэта. И поддержала его. Антокольский всегда помнил, что Марина Цветаева была первой, кто не только одобрил его стихи, но и дал им пронизательную оценку. А потом она сделала то, что не сделал никто другой: ввела его в свою поэтическую мастерскую, показала свои черновики, открыла ему тайны поэтического мастерства. Он понял, что «не боги горшки обжигают».¹⁵⁶

Свои отношения с Мариной Ивановной Антокольский охарактеризовал как «поэтическое братство»¹⁵⁷ – гордился им и отчаивался, что не сумел их сохранить. Может, в том

1917 года» и хранящимся в архивных фондах Литературного музея имени А.С. Пушкина, г. Вильнюс. Другой вариант стихотворения, приведенный М.И. Цветаевой в её воспоминаниях, воспроизведён ею по памяти. См. *Марина Цветаева. Повесть о Сонечке. // В завтра речь держу... Автобиографическая проза. 1925-1937. М., «Вагриус». 2004. С.371.*

¹⁵⁵ По воспоминаниям М.И. Цветаевой, «Павлик жил где-то у Храма Христа Спасителя...» *Марина Цветаева. Повесть о Сонечке. // В завтра речь держу... Автобиографическая проза. 1925-1937. М., «Вагриус», 2004. С.372.* Действительно, Антокольские: родители Григорий Моисеевич (1864-1941) и Ольга Павловна (1860-1935), а также двое из троих детей – Павел и Надежда – жили в это время по адресу: ул. Остоженка, д.3.

¹⁵⁶ *Павел Антокольский.* Далеко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С.260. Сост. и комментарии А.Л. Тоома и А.И. Тоом.

¹⁵⁷ Там же. С.259.

и не было его вины, ведь Цветаева покинула Россию на семнадцать лет. Так или иначе, но в своём дневнике в 1965 году он написал: «Схожу с ума от того, что я так мало ценил Марину»¹⁵⁸.

Судьба Марины Ивановны Цветаевой в русской поэзии сложилась трагично. Отношение к ней советских партийных чиновников после её возвращения на родину и даже спустя многие годы после её смерти было настороженным, неприязненным. И именно Антокольский – по долгу «поэтического брата» – до конца своих дней делал всё, что мог: публичные выступления, воспоминания, статьи, рецензии, – чтобы узаконить в советской литературе имя поэта Цветаевой.

Изучив его переписку 1960-70-х годов, мы пришли к выводу, что он был одним из немногих советских писателей, кто помогал Ариадне Сергеевне Эфрон, вернувшейся из ссылки, в работе над наследием матери.

Третьим поэтом Серебряного века, повлиявшим на судьбу и творчество юного Антокольского, был Валерий Яковлевич Брюсов, покровитель и наставник поэтической молодёжи в послереволюционной Москве. Антокольский всегда вспоминал о нём с благодарностью и восхищением. Лидер русского символизма преподавал ему бесценные уроки не только поэтического, но и педагогического мастерства. «Прекрасный,

---

¹⁵⁸ Павел Антокольский. Дневник. 1964-1968. Санкт Петербург. Изд-во «Пушкинского фонда». 2002. С.37.

благородный учитель поэзии», – написал Антокольский о Брюсове в своих воспоминаниях, – «абсолютно щедрый» человек, обожавший поэтическую молодёжь и охотно впускавший её в «звучащую и печатающуюся поэзию»¹⁵⁹.

Именно Брюсов стал первым серьёзным издателем Антокольского, опубликовав в 1921 году два его стихотворения во временнике Наркомпроса «Художественное слово». Именно Брюсов своим расположением, великодушием и, главное, реальной помощью без всяких слов убедил Антокольского сделать выбор в пользу поэзии. К этому времени Антокольский уже понял, что актёра из него не получится, а напечатанные стихи придали ему уверенность в своих поэтических возможностях. «Я не загордился, – находим в автобиографии Антокольского, – но понял: что-то в моей жизни решено бесповоротно»¹⁶⁰. Никого сколько-нибудь равного Брюсову в умении работать с поэтической молодёжью, по мнению Павла Григорьевича, в советской культуре никогда не было – ни до, ни после.

Блок, Брюсов, Цветаева. О них Павел Антокольский оставил воспоминания. Эти воспоминания опубликованы¹⁶¹.

Но был ещё один представитель Серебряного века, имя

---

¹⁵⁹ Павел Антокольский. Далеко это было где-то... М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. С.267. Сост. и комментарии А.Л.Тоома и А.И.Тоом.

¹⁶⁰ Там же. С.269.

¹⁶¹ Павел Антокольский. Современники. Собрание сочинений в 4-х томах. Т.4. С.7-76.

которого П.Г. Антокольский никогда не упоминал. Работая со старыми рукописями поэта, мы неожиданно обнаружили влияние на его раннее творчество Елизаветы Дмитриевой, известной под псевдонимом Черубины де Габриаки. Есть большое сходство между его стихами 1915 года с её стихами, опубликованными с 1906 по 1910 годы¹⁶². У неё он заимствовал целый фантастический мир: персонажей, поэтические образы, даже стихотворные строки. Сходны и их биографии: каждый в раннем возрасте пережил потерю сестры – отсюда тема смерти в творчестве обоих, ещё очень молодых людей. Почему сам поэт не придавал значения своему раннему увлечению, почему впоследствии никогда не вспоминал о нём – остаётся загадкой.

В культурной жизни своей страны Павел Григорьевич Антокольский сыграл особую роль. Поэт и педагог, он оставил после себя плеяду учеников, которых сегодняшние историки литературы справедливо называют «цветом советской поэзии». Это и его первые питомцы 30-х годов, и поэты-фронтовики, и поэты послевоенных литературных семинаров, и наконец, легендарные поэты-шестидесятники¹⁶³. Всех их он

---

¹⁶² См. стихотворения «Душа как инфанты поблекший портрет...», «Она ступает без усилья...», «Червлёный щит в моём гербе...» в книге *Черубина де Габриаки*. Исповедь. М., 1998.

¹⁶³ Приводится список наиболее известных поэтов-учеников П.Г. Антокольского: К.М. Симонов, М.И. Алигер, М.Л. Матусовский, Е.А. Долматовский, Вл.А. Лифшиц, С.Г. Островой, А.А. Коваленков, М.А. Дудин. М.К. Луконин,

учил тому, чему сам учился у поэтов Серебряного века – совершенствовать форму стиха. За это его в 1949 году, заклеив «формалистом» и «космополитом», изгнали из Литературного института¹⁶⁴.

Но даже отлучённый от преподавания, он продолжал нести свою эстафету от Серебряного века – веку нынешнему. Павел Антокольский по праву может быть назван поэтом, связавшим времена.

А.П. Межиров, Б.А. Слуцкий, И.П. Уткин, С.С. Орлов, М.Д. Львов, С.А. Васильев, Расул Гамзатов, Я.А. Козловский, Н.И. Гребнев, С.С. Наровчатов, С.П. Гудзенко, В.М. Тушнова, М.В. Кульчицкий, П.Д. Коган, А.М. Ревич, Е.М. Винокуров, С.Б. Капутикян, Ю.А. Окунев, Э.А. Асадов, Г.М. Поженян, А.И. Недогонов, В.Е. Субботин, М.Д. Максимов, К.Я. Ваншенкин, Е.А. Евтушенко, Б.А. Ахмадулина.

¹⁶⁴ *Грибачёв Н.М.* Против космополитизма и формализма в поэзии. «Правда», 1949. 16 февраля. (Статья секретаря партбюро СП СССР. Фонд А.Н.Яковлева. Документ № 113.)

Примечание

Работа впервые была представлена на Международной научной конференции «Серебряный век. Взгляд из века 21-го» в музее А.С. Пушкина в Вильнюсе в 2017 году.

Цитировать: Тоом А.И., Тоом А.Л. Павел Антокольский и Серебряный век русской поэзии // Материалы научной конференции «Серебряный век. Взгляд из века 21-го». 18-20 апреля 2017 г. Вильнюс, Литва.